

ДЖЕССИКА БЕРГЕР ГРОСС

⚠️ 18+

ХЕЙЗЕЛ ГОВОРИТ «НЕТ»

роман

Увлекательное, напряженное
исследование афтершоков
скандального события.

Kirkus Reviews

Джессика Бергер Гросс

Хейзел говорит «нет»

Издательство "Livebook/Гаятри"

2025

УДК 82-3
ББК 84

Бергер Гросс Д.

Хейзел говорит «нет» / Д. Бергер Гросс — Издательство
"Livebook/Гаятри" , 2025

ISBN 978-5-907784-85-7

Когда творческая семья с двумя детьми переезжает из суетного Бруклина в тихий штат Мэн, их жизнь переворачивается с ног на голову. Ведь их дочь, ученица выпускного класса Хейзел, говорит четкое «нет» на непристойное предложение директора школы, оказавшись с ним наедине в кабинете. Это становится достоянием общественности, и семья Хейзел, не колеблясь, встает на ее сторону. Чего не скажешь о соседях, которые скорее поверят прекрасному директору, верному мужу и заботливому отцу, чем пафосным нью-йоркцам, из-за которых в их городке случился скандал. Шепот недовольства превращается в откровенную травлю, которая ставит под вопрос не только репутацию и безопасность семьи, но и будущее Хейзел. История, рассказанная голосами всех членов семьи, превращается в настоящую драму, где находится место тревоге и заботе, творчеству и боли, силе воли и поддержке.

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-907784-85-7

© Бергер Гросс Д., 2025
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2025

Содержание

Часть первая. Хейзел говорит «нет»	6
1. Кабинет директора	6
2. Вульф переходит в среднюю школу	12
3. Клэр переезжает в Мэн	16
4. Хейзел говорит «нет»	21
5. Хейзел все рассказывает (маме)	24
6. Гас пытается работать	27
7. Гас приезжает домой	31
8. Не молчи	36
9. Клэр не может уснуть	38
10. Хейзел просыпается	40
Часть вторая. Официальное давление	45
11. Гаса отменяют	45
12. Вульф оценивает ситуацию	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джессика Бергер Гросс

Хейзел говорит «нет»

JESSICA BERGER GROSS

HAZEL SAYS NO

Дизайн обложки HARLEQUIN ENTERPRISES ULC

Copyright © 2025 by Jessica Berger Gross

© 2025 by Harlequin Enterprises ULC

© Дарья Ивановская, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. Livebook Publishing LTD, 2026

Посвящается Люсьену

Часть первая. Хейзел говорит «нет»

1. Кабинет директора

Хейзел Блум, срочно пройдите к директору. Хейзел Блум.

Говорят – причем и учителя, и бабульки-попутчицы в пригородных автобусах, и Джоан Дидион¹, и мама Хейзел, – что все может измениться одномоментно. По опыту самой Хейзел (пока весьма ограниченному) – это неправда. Перемены – хоть личные, хоть общественные – всегда занимали целую вечность и не отличались масштабностью. Мы ползем по жизни, как гусеницы, пока нас не раздавит тяжелый ботинок патриархата и домашки. И лишь однажды утром, в Мэне, в первый день последнего учебного года в старшей школе Ривербурга, до Хейзел дошло, насколько же наивной она была. Конечно же, перемены *могут* случаться одномоментно. Просто с ней так не бывало. Пока что.

Хейзел Блум, срочно пройдите к директору. Хейзел Блум.

Хейзел вжалась в стул, гадая, не пронесет ли, если сделать вид, что это не ее имя повторяет громкоговоритель. Учеба в выпускном классе начиналась весьма несуразно. Вытерпеть унижение, которое испытывает ученик, когда его в первый же день учебы вызывают к директору на виду у всей школы, нормальному человеку не под силу.

Хейзел Блум.

Оставалось лишь нерешительно поднять руку.

– Это я, – сообщила она учителю статистики. – Я Хейзел.

– В таком случае иди.

Она схватила сумку с надписью «Книги – это магия», где лежала одна общая тетрадь, простой карандаш, черная ручка, ключ от дома, тампон и экземпляр последней книги Салли Руни², потом вышла из класса, прошла через медиацентр (больше похожий на тюремную библиотеку), через актовый зал с черными шлакоблочными стенами и осыпающимся потолком, покрытым, скорее всего, асбестом, мимо кабинетов разной степени обветшалости, и подошла к учительской, где заседала администрация. В Нью-Йорке Хейзел училась в государственных школах, так что привыкла и к облупившейся краске, и к прочим дефицитам. Правда, старшая школа Ривербурга была уровнем повыше. Прямо на стене красовался знак в виде огромной стрелки с надписью «Администрация», указывающей в направлении вестибюля. Хейзел завернула за угол.

Директор сидел за столом. Они уже были знакомы, хоть и не близко. В начале лета он по настоянию ее мамы провел им экскурсию по школе. Можно подумать, в городе имелаась хоть какая-то альтернатива этому учебному заведению. Но родителям Хейзел, видимо, нужна была иллюзия выбора. Ощущение, что они как следует заботятся о дочери. А уже после этой встречи директор как-то раз заговорил с ней в городском бассейне.

Поскольку Хейзел не потрудилась найти себе подработку на лето, ее заставили по выходным водить Вульфа, младшего брата, в бассейн после того, как он возвращался домой из театрального лагеря, и следить, чтобы он не утонул – в буквальном смысле и в социальном. За июль и август Хейзел практически превратилась в элемент обстановки бассейна, подолгу сидя на бортике с глубокой стороны дорожек и опустив ноги в воду, как соломинки в стакан холодного лимонада. Временами она растягивалась в одном из пластиковых шезлонгов, расставленных на

¹ Джоан Дидион – американская писательница, получившая известность благодаря своим романам и литературной журналистике. – Здесь и далее примеч. пер.

² Салли Руни – ирландская писательница и сценарист.

открытом солнцу газоне, или валялась на животе на потрепанном полотенце с изображением совы, читая все подряд из разномастного отдела художественной литературы местной библиотеки. Ей казалось, что это и дешевле, и эффективнее, чем если бы ее родители раскошелились на оплату летней программы подготовки к колледжу для подрастающих английских мажоров. Директор тоже был завсегдатаем в этом бассейне – Хейзел обратила внимание, что отцов с детьми сюда ходит не так уж много.

Когда они встречались под палящим полуденным солнцем, он обычно останавливался у бортика бассейна – или возле ее полотенца, или возле шезлонга – и спрашивал, что она читает, а потом – что уже прочитала, а потом – что еще намерена прочесть этим летом.

Однажды директор удивил Хейзел, явившись с романом Зэди Смит³, которые она как-то между делом ему рекомендовала. Короче, у них образовался эдакий хлорированный книжный клуб.

Теперь же она стояла в проеме приоткрытой на сорок пять градусов двери. Директор махнул ей.

– Хейзел! Заходи! – сказал он. Выглядел он не так, как обычно в бассейне. Хейзел не могла сказать точно, кажется он в деловой одежде моложе или старше. Но точно – иначе.

Вышеупомянутый карандаш, который мама дала ей утром, был все еще острым, а желудок Хейзел – пустым. Она была хорошей ученицей: в прежней школе училась почти на отлично (ох уж эта математика), стандартизированный тест по грамматике и анализу текста сдала почти с наивысшим баллом (нехило, да?), так что оставалось только готовиться к поступлению в колледж. В Нью-Йорке Хейзел уже приходилось бывать в кабинете директора (потому что не надо огрызаться на особо склонного к садизму учителя геометрии). Но шел только третий урок. Хейзел прикинула, что такого она успела натворить за утро. Первым был урок испанского, потом правоведение, потом десятиминутная перемена. Она провела ее на улице, делая вид, что читает, а на самом деле – исподтишка разглядывая остальных учеников. Часы показывали 10:47. Она еще даже поболтать ни с кем не успела.

Директор, шатен с жесткими густыми волосами, был ровесником ее отца. Высокий. Белый. С волевым подбородком. В бассейн он приходил в мешковатых шортах и футболках из разного концертного мерча. Сейчас же на нем была голубая рубашка, пиджак цвета хаки и джинсы-трубы. Видимо, сам директор считал себя стильным чуваком, а-ля такой руководитель школьного драмтеатра, на которого трудно не запасть. Может, его и можно было посчитать привлекательным – с точки зрения мамы Хейзел, – но саму девушку как-то не тянуло к мужикам среднего возраста.

– Присаживайся. – Директор указал на два стула, стоящих напротив стола.

Хейзел уселась на краешек. Предполуденное солнце заливало окно. Она сегодня надела черно-белый сарафан в мелкую клетку, который мама откопала на блошином рынке в Бруклине, и красные биркенштоки. У нее отрастали волосы после стрижки пикси, так что она закалывала торчащие пряди невидимками и пыталась отпустить маллет или каскад, как у ее любимой актрисы девяностых Вайноны Райдер. В средней школе – то есть, в *жизни* – внешний вид все-таки имел значение. Но сейчас Хейзел чувствовала себя голой. Может, стоило надеть что-то более закрытое. Бермуды какие-нибудь, например.

– И как тебе первый день в школе? – спросил директор. – Нормально устроилась?

– Вроде бы да. Это же только начало.

– Я хотел узнать, как у тебя дела. Все же такие перемены.

И да, и нет, подумала Хейзел. Школа есть школа.

³ Зэди Смит – английская писательница.

Она винила маму за этот переезд. Перебраться в Мэн было *вроде как* маминой идеей. Хотя ситуация в целом была несколько шире. Дело в том, что родители решили сменить место жительства в основном ради дочери. Ее отцу, профессору, предложили работу в колледже, причем к должности прилагались до смешного обширные, просто невероятные выплаты и льготы для членов преподавательских семей. И деньги эти могли в корне все изменить: Хейзел избежала бы необходимости учиться в большом государственном университете, теряясь в анфиладе лекционных залов, зато могла бы поступить в более бережный в академическом смысле колледж свободных искусств по своему выбору.

– Я так понимаю, ты к другому привыкла, – продолжил директор.

– Я всю жизнь ходила в государственную школу, – ответила Хейзел. – Мне все нравится. Я за социализм, – добавила она для полноты картины.

– Да ну? – отозвался он.

Она поклялась себе больше не говорить ничего провокационного.

* * *

Примерно в середине августа Хейзел поинтересовалась у директора, есть ли в школе свой литературный журнал. Он ответил, что нет, и вместе они решили, что стоит его учредить. Таким образом она могла бы: а) завести друзей-единомышленников (если таковые вообще имеются в Ривербурге); и б) обеспечить себе приличное реноме для колледжа. Пока бассейн не закрылся на каникулы, директор успел еще пару раз обсудить с Хейзел нюансы в отношении журнала, подлавливая ее то при заходе или выходе из воды, то когда она читала или откладывала книгу. Правда, она не была уверена, воплотится ли в жизнь хоть что-то из намеченного. Некоторые взрослые умеют только языком чесать.

Тем летом он разговаривал с ней так, будто в кои-то веки, на удивление, встретил подростка, интересующегося чем-то, кроме своего телефона. Как будто книги читают только гении. Теперь же, в официальных стенах его кабинета, Хейзел вдруг подумала, что в бассейне директор уделял ей, возможно, несколько больше внимания, чем стоило бы. Наверняка же дети в Мэне тоже читают книги.

Тут директор встал из-за стола, обошел его и уселся на столешницу.

– Можешь звать меня просто Ричард, если хочешь.

В бассейне она вообще никак его не называла.

А вот это уже было странно. Или нет? Вне школы она обращалась ко взрослым по имени. К друзьям родителей, по крайней мере. А чем отличается директор Уайт? Может, в старшей школе Ривербурга все не настолько консервативно, как ей казалось.

Он сложил ладони и направился к двери. Аккуратно ее закрыл. Послышался металлический щелчок замка.

– Так вот, мы очень рады, что ты к нам попала. Нам повезло. Я смотрел твой табель. Хотя в этом и не было необходимости. Я и так все сразу по тебе понял. Особенно пока мы летом общались.

Хейзел скрестила ноги и сложила руки на груди.

– Тем более я видел, какие книги ты читаешь и какое мнение о них высказываешь. У тебя уровень студентки колледжа. Плюс ты же из Нью-Йорка. А это высокая планка. Я-то знаю. Я сам вырос на Лонг-Айленде.

– Спасибо? – промямлила Хейзел, немедленно устыдившись собственной вопросительной интонации. – Моя мама оттуда.

– Правда? Ты не говорила. Надо же, какое совпадение. Дай угадаю: с Северного берега?

– С Южного, – ответила Хейзел.

– И я тоже, – сказал директор. – Наших тут немного. Я имею в виду, выходцев из Нью-Йорка. На побережье хватает, а здесь – нет. Скажи мне вот что, Хейзел. Все хочу тебя спросить. Куда ты собираешься поступать?

Ну ладно, подумала Хейзел. Перейдем к делу. Вроде все логично. Он хочет обсудить поступление. Она вспомнила, как еще во втором классе учитель объяснял ей разницу в написании слов «эффектный» и «эффективный». «Эффективный – это тот, который показывает высокий результат», – говорила та.

– Э... в какой-нибудь колледж свободных искусств. Может, в Вассар. Уэслианский, Оберлин. Или в Бард. Беннигтон. Или в Университет Айовы.

– Вассар, да? Неплохо. Ты знаешь, наши выпускники редко попадают в такие заведения. Многие поступают в Мэнский универ или в местный колледж. А некоторые сразу идут работать. – Он серьезно посмотрел на Хейзел. – Но тебе об этом можно не беспокоиться. Я уже понял, кто ты. Да ты и сама должна знать. Ты звезда.

Хейзел покачала головой. Никакая она *не* звезда. В старых районах Бруклина таких девчонок вроде нее, хорошисток и отличниц, был вагон и маленькая тележка. Она в началке училась с детьми, которых теперь *по телеку* показывают.

Так что нет, ничего особенного в Хейзел не было.

– Ты, возможно, удивишься, но ежегодно пара-тройка наших выпускников поступают в Лигу Плюща⁴.

Хейзел не удивилась. Ни капельки. Она уже успела все разузнать.

Именно по этой причине она и согласилась на переезд. Приемные комиссии считали Мэн «малонаселенным штатом». Согласно стопке буклетов из разных вузов, лежащей у кровати Хейзел, а также результатам упорных ночных интернет-поисков, ее шансы попасть в вышеупомянутый колледж свободных искусств возрастали примерно на тысячу процентов, если подавать заявку не из Бруклина, а из Мэна. Колледжи хотели «географического разнообразия». Это означало, что хорошистка из Ривербурга могла бы конкурировать с отличником из ее прежней школы. Конечно, никто ничего не гарантирует, и Хейзел это понимала, – но еще она понимала, что ей предоставился наилучший шанс.

Она прошерстила местные газеты за последние пару десятков лет, прочитала, в какие колледжи поступали десять лучших выпускников Ривербургской школы. Результат впечатлял. Правда, было странно осознавать, что для поступления в более крутой колледж надо закончить менее крутую школу. Хотя, если задуматься, – может, это и есть справедливость? В любом случае, когда речь шла о выборе города, в котором предстояло доучиться, сентиментальность была неуместна. Конечно, Хейзел будет скучать по друзьям и жизни в большом городе. Куда она денется. Но это не так уж важно, напоминала она себе. Она справится. Во всем мире кто-нибудь да страдает. Уж год она потерпит. Важно только ее будущее.

Дело в том, что Хейзел мечтала стать писательницей. Она хотела писать романы или работать в сценарной группе, или сотрудничать с каким-нибудь журналом, или вести в газете колонку об искусстве. Она была книжным червем, лингвофриком. Книжки – тексты – были для нее всем на свете. Половину своей жизни она переживала о героях любимых романов (и кино) сильнее, чем о людях в реальном мире.

Эти ее намерения выглядели нереалистично, стереотипно, и потому она их стеснялась – как, допустим, стеснялась бы желания стать актрисой или заниматься органическим фермерством. Но ведь у некоторых и правда *получается* стать писателями. Почему не Хейзел? Так говорили ее родители. Сама же Хейзел сомневалась. Она не была уверена, что у нее найдется

⁴ *Лига Плюща* – ассоциация восьми самых престижных частных университетов на северо-востоке США, известных своим высоким уровнем образования и академической элитарностью. Название происходит от традиции высаживать плющ на зданиях университетов. В ассоциацию входят Гарвардский, Принстонский, Йельский, Колумбийский, Брауновский, Корнеллский, Пенсильванский университеты и Дартмутский колледж.

хоть одна интересная история. Но одно она знала точно: литературный мир беспощаден. И чтобы не утонуть в этом дерьме, нужны связи. Связи в издательской среде. Связи, которые образуются в тех самых почти недоступных колледжах вроде ее ненаглядного Вассара.

Да, система поступления была несправедлива. Как и издательский мир! (Или капитализм вообще!!!) Но вот так устроена реальность. И Хейзел ничего не могла с этим поделать. План был такой: пережить выпускной класс как можно безболезненнее, подать заявку в колледж, получить аттестат и перетерпеть одну-единственную северную зиму в глухомани штата Мэн.

– Так вот, насчет поступления: не стоит себя недооценивать. Я могу кое-кому позвонить. Я же сам учился в Брауновском. И погляди, к чему пришел. – Директор широко взмахнул руками, обводя ироничным жестом убогий кабинет, обшарпанную школу и издававший лучшие времена городишко за окном.

Тут бы ей полагалось рассмеяться. Ей очень хотелось сообщить, что ее отец тоже учился в Брауновском, и что ее родители познакомились в Провиденсе⁵. Еще одно совпадение, *как тесен мир* и все такое. Но Хейзел молчала. Она гадала только, как долго еще продлится эта встреча и что она сейчас пропускает из урока. Не важно, кто из предков там учился – в Браун ей все равно не попасть. А если уж и возникнет необходимость потянуть кое-за какие ниточки, то для этого у нее есть родной папа, который был на короткой ноге чуть ли не с половиной профессуры страны. И до Вассара было рукой подать, даже без учета малонаселенности штата.

– И еще нам бы обсудить литературный журнал, да? У меня есть пара идей. – Он отхлебнул из пластиковой кружки. – Нам нужен мозговой штурм. Обдумаем актуальные темы. Жанры. Прикинем, о чем бы хотела писать ты, но и что заинтересует твоих одноклассников и других читателей. Согласна? Нам же и читатели нужны, и авторы.

Хейзел неуверенно кивнула.

– Я подумал – может, будем встречаться после уроков? На регулярной основе. Чтобы у нас все получилось. Чтобы мы уже запустили пилотный выпуск ко Дню благодарения. Можно собираться у меня в кабинете. Или – так даже лучше – в другом месте, где можно погрузиться в работу. Где нас не будут постоянно отвлекать, потому что какой-то пацан решил покурить в туалете. Ты в субботу свободна?

– Да, отличная мысль. Я подумаю. Мне бы теперь на математику вернуться.

У Хейзел уже болел живот. Она не понимала, что с него взять. Может, он из тех учителей, которые с головой ушли в профессию и потому меняют твою жизнь, подталкивая открыть в себе лучшие из талантов? Из тех, кого ученики помнят до конца своих дней? Или он просто исключительно мутный тип?

– Первый учебный день. И математика – мое слабое место. Не хотелось бы ничего пропускать.

– Об этом можешь не беспокоиться, – сказал директор.

Хейзел посмотрела на дверь, закинула сумку на плечо и собралась вставать.

– Я могу написать для тебя письмо.

– Какое письмо?

– Рекомендательное. Я даже *хочу* его написать, если честно. В Вассар. Я знаю кое-кого из приемной комиссии. Тут уж пан или пропал.

Ох.

Он встал со стола и пересел на стул рядом с Хейзел.

– Рекомендательное письмо – это хорошо, – ответила она, хотя от такого нарушения личного пространства ей стало не по себе. – Письмо – это замечательно.

⁵ *Провиденс* – экономический, культурный и политический центр штата Род-Айленд, расположенный на северо-востоке США. С английского языка «providence» переводится как «провидение» или «божий промысел».

Да, замечательно. Как минимум – не повредит.

– Мы оба знаем, что ты особенная, Хейзел.

Серьезно? Так, еще раз: *нет*. Никакая она не особенная.

Она *молодец*, вот и все. Умненькая, в целом даровитая. Достаточно умненькая, чтобы осознать, что ничем не выделяется. Хейзел никогда не чувствовала себя особенной.

А вот что она чувствовала в последнее время – пару лет? класса примерно с девятого? – так это тревогу. Постоянное фоновое ощущение ужаса. Даже некую обреченность. Как будто вот-вот произойдет что-то плохое. Она выросла среди защитных экранов и токсинов, среди постоянного потока жутких новостей, и ей казалось, что мир – ее мир – может в любой момент взорваться.

Вспотевшие бедра Хейзел прилипли к стулу.

– У меня остался всего один вопрос, и я тебя отпускаю. Ты умеешь хранить секреты? – спросил директор, понижая голос до заговорщического шепота.

– Конечно, – ответила Хейзел. Еще как. Она была отменным хранителем тайн.

– Дело вот в чем...

– Слушаю.

Директор придвинулся поближе.

– Дело вот в чем.

Он протянул руку и погладил ее по бедру. А потом, перебирая пальцами, повел рукой вверх и вниз, вверх и вниз. Нарочно. Извращенно.

Он *трогал* ее, и это было омерзительно – ведь он взрослый, он *директор*, – и ей хотелось кричать. Но она просто застыла, скованная кататоническим приступом ужаса.

Директор Уайт кончиками пальцев приподнял ее подбородок и уставился ей в глаза:

– Каждый год я выбираю себе одну ученицу, чтобы заниматься с ней сексом. В этом году я выбрал тебя.

2. Вульф переходит в среднюю школу

В классе висел плакат, где от руки – честное слово, он не выдумывает – было написано:

Голубой – это цвет, а не оскорбление.

Не говори: «Подаешь, как девчонка», говори: «Помочь тебе отработать подачу?».

Не дразни и не подкалывай чернокожего ученика, лучше спроси: «Как ты себя чувствуешь в школе, где учатся в основном белые?»

Говори: «Мне нравится твоя прическа/одежда», даже если беседуешь с девочкой в спортивном костюме или длинноволосым мальчиком.

Вульф чуть с ума не сошел, увидев инструкцию, разжевывающую очевидное. Это что-то вроде надписи на фасаде школы «Наши двери открыты для всех». Ну как бы да. Разве не в этом смысл бесплатных государственных школ? Неужели такие вещи нужно в буквальном смысле проговаривать? Мама все твердила ему, что средняя школа Ривербурга совсем не такая, как его прежнее место учебы. Во-первых, здесь будет легче. Во многих смыслах. В этом Вульф, правда, сомневался, поскольку переходил в следующую лигу: в среднюю школу из начальной. Мама слышала, что дальше учителя в основном будут давать кучу всяких тупых письменных заданий и готовить к госэкзаменам, а вот творческих работ станет гораздо меньше. Но ему нравились письменные задания! Чем проще, тем лучше.

Его новый классный руководитель, миссис Гилберт, выдала Вульфу расписание уроков, список кабинетов и фамилий преподавателей, а также номер шкафчика и комбинацию от замка. Прежде он никогда не переходил из кабинета в кабинет и не хранил вещи в личном шкафчике. Он внимательно просмотрел список. В летнем театральном лагере и в бассейне ему все говорили, что в шестом⁶ классе нужно обязательно попасть к мистеру Вудсу – учителю словесности и худруку школьного драмтеатра. Он любил книги Рика Риордана⁷, а в кабинете на стенах развешивал постеры Marvel. ЧЕРТ, подумал Вульф, когда обнаружил, что и словесность тоже будет вести миссис Гилберт. Он собрал в кулак всю волю, подавив желание скомкать расписание и швырнуть его куда подальше, и изо всех сил постарался не расплакаться в первый учебный день шестого класса.

Вульф с детства отличался от остальных. Кажется, он был единственным мальчиком на всю начальную школу, который ненавидел спорт. В плане учебы – типичный ботаник, еще и с индивидуальным планом занятий, консультациями у логопеда и плохими социальными навыками. И при этом его заставили ходить в группу дружбы! После школы! В Верхнем Вест-Сайде! Его уже просто тошнило от этой бесконечной родительской и учительской заботы.

Кроме того, он ненавидел свою внешность. Вульф был *хорошеньким*, что его устраивало в наименьшей степени. Копна русых кудряшек и ямочки на щеках. В детстве мама водила его в Метрополитен-музей и указывала на поразительное сходство сына с купидонами в зале европейской живописи.

Но самое ужасное – что до нынешнего лета ему не разрешали играть в видеоигры. Ни в тот же Minecraft, который развивает практический интеллект. Ни в Fortnite, в который играли все остальные дети. Однако ситуация изменилась, когда родители сообщили о переезде. Они так боялись его возможной негативной реакции, что предложили приставку Nintendo Switch, поездку (ранее обещанную, но пока не входившую в планы) в Диснейленд и даже разрешили первому выбрать комнату (все равно Хейзел скоро уедет учиться в колледж). В Мэне, сказали

⁶ В США 6 класс является первым годом обучения в средней школе (как 5 класс в России после четырех лет в начальной).

⁷ Рик Риордан – американский писатель, наиболее известен как автор серии романов про Перси Джексона.

они, их семья сможет позволить себе брать уроки вокала и ездить в отпуск. У них будет два телевизора – и на первом этаже, и на втором. Да, у них будет два этажа! И – что совсем уж невероятно – родители согласились купить ему телефон.

Переезд также совпал с консультацией у психиатра, на которую родители наконец сподобились. Вульффу подобрали лекарственную терапию для СДВГ, и он теперь стал как бы более отточенной версией самого себя. Реже хлопал дверями. По утрам занимался спортом вместе с отцом – десять минут зарядки и силовых упражнений. Если он хотел получить главную роль в школьной пьесе или завести друзей, выглядеть нужно было соответствующе. Никаких больше прогибов под маму и футболок с надписью «я тоже феминист».

Тем летом он фанатично засел за личностные онлайн-тесты по Майерс-Бриггс и обнаружил, что он, в отличие от остальных членов семьи, экстраверт, а не интроверт (интроверсивный экстраверт, если уж начистоту, но все равно ведь экстраверт). Так что он решил перестать быть мальчишкой, который за обедом сидит в одиночестве, уткнувшись в книжку. Вульффу хотелось – ему было нужно – общаться с другими детьми, которые смотрели телек, кино, видосы в Сети, играли в компьютерные игры, а также развлекались в виртуальной реальности и соцсетях.

Вульф был намерен вписаться в ривербургскую тусовку. Рамона, подруга мамы, прислала ему для летнего чтения книгу «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей»⁸, клятвенно обещая, что с ее помощью он раскроет тайну успеха среди шестиклассников. Подарок получился с пассивно-агрессивным посылом, но и бог с ним. Родители посоветовали ему оставлять свои классовые привилегии дома – некоторые одноклассники, сказали они, живут не в отдельных домах, а в обычных квартирах. Видимо, здесь это кое-что значило – в отличие от Нью-Йорка, где в квартирах жили почти все его знакомые.

А еще после вынужденного переезда Вульф столкнулся с новой проблемой. Он был евреем, что вполне устраивало всех в Нью-Йорке, но несколько напрягало в Мэне (пф!). А Вульф был прямо еврей-еврей. Такой, вроде Сета Рогена, Адама Сэндлера, Мэла Брукса. И насколько он понял – единственный еврей во всей средней школе Ривербурга (в бруклинской началке минимум четверть школьников были минимум на четверть евреями). Может быть, пара человек из его класса и отмечали Хануку наравне с Рождеством, но заставляли ходить в идиотскую еврейскую школу в подвале местной синагоги только его.

Родители клялись, что такого не может быть – они ни вообразить, ни понять не могли, в насколько чуждый мир загнали своего сына. В колледже евреев хватало, и мать с отцом, похоже, думали, что в школе дела обстоят так же. Отец даже сказал, что жизнь в штате Мэн будет для него полезным опытом. Можно подумать, жизнь Вульфа – какая-то программа культурного обмена. Однако Вульф ненавидел природу. И леса ненавидел. Он скучал по метро. Родители вырастили его в Нью-Йорке, а не в дикой глуши с лосями и медведями.

После переезда мать из кожи вон лезла, чтобы познакомить сына с группой тошнотворно образцовых мальчиков-соседей, которые все как один играли на струнных инструментах и старательно занимались спортом, но Вульф не хотел иметь с ними ничего общего. Он хотел – и планировал – получать хорошие оценки, но не собирался тусоваться с ботанами или посещать унылые внеурочные клубы вроде «Студсовета» или «Одиссеи разума», как бы его родители не настаивали, что подобные объединения – это очень круто. Вульф хотел, чтобы люди его ЗАМЕТИЛИ. Чтобы его увидели.

Вульф был создан для сцены.

Прозвенел звонок.

На первом уроке, на ИЗО у мисс Полли (единственной из учителей, которая представилась по имени, а не по фамилии, как он привык в началке), кто-то сказал, что задание напи-

⁸ Книга Дейла Карнеги, популярное «практическое пособие» по налаживанию социальных контактов.

сать автопортрет – это «для голубых», из-за чего Вульф начал сомневаться в ненужности того плаката из кабинета миссис Гилберт. С другой стороны – через несколько минут его соседка по парте, девочка с синими волосами, принялась рассказывать про свою подружку.

Она было зыркнула на Вульфа, будто остерегаясь его мнения, но остерегаться ей, *конечно же*, было нечего.

Так что да, Ривербург был странным местом.

Так. Много. Белых. Все учителя у него были белыми. Среди учеников разнообразия чуть больше, но ненамного. Кое-кто выбивался из общего стиля, но в основном все шестиклассники носили синтетические шорты.

В Ривербурге царило свое особое разнообразие. К примеру, в бассейне. На каждую семью сотрудников колледжа приходились семьи, как бы поточнее сказать, деревенские. Мать говорила, что некоторые более обеспеченные семьи Ривербурга вообще не ходят в бассейн. У них свои «лагеря» (не настоящие лагеря с проживанием или дневные, как выяснил Вульф, а загородные дома на озере) или собственные бассейны во дворе. В Нью-Йорке его мир включал всех – от ночующих в метро бездомных до дам с Парк-авеню, которые одевали своих собак в пуховики и зимние ботиночки. Но здесь, в Ривербурге, классовые границы были проведены гораздо отчетливее и заметнее.

Ну и плевать. У Вульфа имелись проблемы поважнее, чем демографическая ситуация в новом городе. После урока музыки ему пришлось обращаться к учителю за помощью с кодовой комбинацией от шкафчика, а потом настал еще более унижительный момент, которого он с ужасом ожидал все лето. Обед.

И вот Вульф замер посреди столовой с брауни и бутылкой воды в руках, пытаясь как-то понять, где бы присесть среди этого мира чужаков и изгнания. Официально – это был худший момент в его жизни, гораздо более пугающий и болезненный, чем когда он в первом классе споткнулся, упал и прокусил губу, да так, что ее пришлось зашивать.

На его глаза снова навернулись слезы, грозящие вот-вот покатиться по щекам. Господи, ну почему он такой слюнтяй? Временами он искренне себя ненавидел.

И вдруг – о чудо! – какая-то девочка позвала его по имени и махнула рукой, спасая от неизбежного социального фиаско. Вокруг шеи у девочки была небрежно повязана красная бандана, а по спине спускалась длинная коса. Грейси. Во всяком случае, ему казалось, что именно так ее зовут. Он был уверен на девяносто процентов (Вульф плохо запоминал имена). Они летом виделись в театральном лагере и даже вместе играли в бассейне, когда ему хватало храбрости к ней приблизиться.

Он с облегчением подошел к вероятно-Грейси и ее друзьям, среди которых оказалась и девочка с синими волосами из класса рисования. Грейси вроде была главной в компании: говорила громко, начальственным тоном (в хорошем смысле). Она вообще вела себя как человек, совершенно уверенный в своих действиях, – и когда громко кричала «Марко Поло»⁹ в бассейне, и когда за завтраком предлагала выбрать лучшего и худшего из учителей. Грейси вообще так много говорила, что Вульф мог просто расслабиться и купаться в ее сиянии. Он поверить не мог своему счастью: та самая вероятно-Грейси пригласила его, Вульфа Блума, за свой стол. Если он сможет правильно разыграть карты, если не скажет и не сделает ничего провального, если ухитрится не облажаться, то в ближайшие три года у него будет возможность сидеть за лучшим из столов во всей средней школе.

Обед длился восемнадцать минут. За ним последовали скучные уроки. Учительница обществознания наотрез отказалась правильно произносить фамилию Вульфа: она настойчиво смягчала ее якобы для благозвучности, произнося «Блюм» вместо очевидного и правильного

⁹ «Марко Поло» – водная игра, похожая на салки.

«Блум», как было написано в журнале. Были и хорошие новости: директор сообщил по школьной связи (в перерывах между объявлениями о спортивных состязаниях), что в этом году ставятся три пьесы и что прослушивание для первой зимней постановки пройдет в ближайший четверг. Этого Вульф и ждал.

На последнем уроке всех шестиклассников собрали в небольшой аудитории – послушать лекцию директора на тему «СТОП». Озвучил он следующие правила: 1. Скажи «нет». 2. Твердо аргументируй. 3. Определи варианты. 4. Прощайся и уходи. Данная стратегия, цель которой избегать потенциально опасных вещей, могла бы позднее пригодиться для отказа от домашних поручений или катания зимой на лыжах, и это была единственная причина, по которой Вульф согласился уделить внимание предложенному директором жалкому акрониму. Это – и еще тот факт, что его бесячее сознание не могло отказать себе в удовольствии запомнить (и осмыслить!) – любые случайные огрызки скорее всего бесполезной информации. А после того, как подрастающим шестиклассникам напичкали этим по самое не хочу, их еще заставили смотреть весьма депрессивный ролик о приложении, где можно анонимно отправить доносы, «Не молчи». Всем было велено установить это приложение на свои телефоны, на случай если кто-то из одноклассников проявит признаки селфхарма, голодания, последствий насилия, суицидального настроения или намерения устроить стрельбу в школе. Да уж, миленько.

А потом приехал автобус. Вульф сел один, достал телефон, воткнул наушники, включил саундтрек к «Гамильтону» и таращился в окно всю дорогу, пока водитель петлял по улицам. Он никак не мог понять, кому в здравом уме вообще может прийти в голову мысль променять Нью-Йорк на этот сырой городишко у черта на рогах.

3. Клэр переезжает в Мэн

Клэр осталась одна дома. Был вторник после Дня труда, Хейзел и Вульф ушли в школу. Все лето она занималась переездом: распаковывала вещи, наводила порядок, обустраивала детей, искала свое место. Сейчас она сидела на боковом крыльце, развернув к солнцу плетеное кресло. Время от времени отвлекаясь от мыслей на птичье пение, Клэр прихлебывала латте и обдумывала тот неожиданный поворот, который случился в ее семейной жизни.

Она никак не могла поверить, что оказалась именно здесь. Прошлой весной ее муж Гас ни с того ни с сего подал заявку в маленькую школу свободных искусств, о которой они и слыхом не слыхивали, несмотря на ее рейтинги и репутацию. Через пару недель Колледж сделал Гасу невообразимо щедрое предложение, от которого семья со своими банковскими счетами (жалкими), сбережениями (почти отсутствующими) и долгами по кредитке (вгонявшими в клиническую депрессию) попросту не могла отказаться.

Клэр и Гас колебались. Они не хотели уезжать из большого города. Чего Клэр желала для себя и своей семьи, так это вполне разумной (по ее меркам), но пока нереализуемой (по общим возможностям) жизни в изящном краснокирпичном особнячке в Бруклине, и чтоб еще был домик в деревне, и чтоб в шкафу висела хорошая одежда. И каждый февраль ездить куда-нибудь в теплые края. И на две недели в Италию летом. И чтобы у детей были отдельные комнаты.

Но это были только мечты. Мечты давно почившие. Она смирилась с квартирой за фиксированную арендную плату, где имелась стиральная машина с сушилкой, два санузла, а окна гостиной выходили не на помойку.

Она работала дизайнером одежды в компании BuildGood; Гас был профессором американистики в Университете Нью-Йорка в Роки-Крик. И жизнь в большом городе была им не по карману. Гас считал, что дело не в их низких доходах, а в обширных тратах, а Клэр утверждала, что дело в самом Нью-Йорке, где невозможно просто выйти прогуляться с собакой и ничего не купить по пути. А может, им просто не хватало самоконтроля или предпринимательского духа? Через год пора будет готовить Хейзел к колледжу, и на это они не накопили. Как так пролетело время? Клэр поверить не могла, что их дочь переходит в выпускной класс и вообще уже почти взрослая. Что малышу Вульфу целых одиннадцать, и на носу – средняя школа. И что впереди маячил пугающий день, когда они потеряют детей, а им еще нужно накопить сотни тысяч долларов на учебу в колледже. Льготы для детей преподавательского состава – скидка в семьдесят пять процентов на нереально дорогостоящее обучение в любом аккредитованном колледже или университете – оказалась для Блумов чем-то вроде выигрышного лотерейного билета.

Клэр будет скучать по Нью-Йорку. Неизбежно скучать. Но при этом она потихоньку подумывала перебраться куда-нибудь в провинцию и жить более разумной жизнью в недорогом творческом местечке. Ей хотелось близости к природе и доступного жилья. И разве Мэн – не провинция, пусть и утрированная?

У них все получится. Должно получиться. Почему нет-то? Для Клэр штат Мэн может стать коллажем из босоногих летних будней и заснеженных зимних уикендов. Она будет носить тельняшки и белые комбинезоны, рыбацкие свитеры и сабо. В огороде они посадят салат, горох и помидоры. Может, даже заведут козу, от которой она будет каким-то образом получать сыр. Обустроит себе художественную мастерскую. Гас сможет в тишине писать книгу. Их старый пес Пикл получит в распоряжение задний двор. Вульф будет спонтанно звать друзей на прогулку, просто позвонив в соседскую дверь, а вечерами – ловить светлячков и устраивать импровизированные шоу талантов со своими эксцентричными товарищами, любителями природы. А еще Клэр, Гас и Вульф проведут последний год вместе с Хейзел.

Сначала они приехали в Мэн без детей, в первые майские выходные. Перелет длился всего сорок пять минут – Клэр даже не успела дочитать журнал. Обедали они домашней лапшой и потрясающе вкусными дамплингами с креветками в одном портлендском ресторанчике, который, как гласила скромная табличка, частично вдохновил Эдварда Хоппера на написание картины «Чоп суэй»¹⁰. Следующим утром они позавтракали шоколадными круассанами и кофе из пекарни на улице, выложенной брусчаткой, после чего отправились в путь – час двадцать минут до Ривербурга. Шоссе оказалось необычайно спокойным – две полосы в каждую сторону, живописные виды побережья за лесопосадками, – а потом они свернули вглубь страны.

Но пока Бруклин в середине весны расцветал, а Портленд очаровывал, остальная часть штата Мэн была серой и грязной. Дорога шла на север, и Клэр дрожала от холода в тонком хлопковом свитере.

– Можешь представить, что мы будем там жить? – спросила она Гаса, имея в виду Ривербург. Он в апреле ездил туда на собеседование.

– Ни в коем случае.

Тем не менее, Гас отказался рассматривать очевидный компромисс – поселиться в Портленде и ездить туда-обратно. Ни суровые зимы Мэна, ни двухчасовой путь из Бруклина в Роки-Крик его не убедили. Он твердо стоял на своем. Какой смысл брать работу в студенческом городке и жить в семидесяти пяти милях от него? Либо они перебираются в Ривербург, либо насовсем остаются в Бруклине.

Однако, к удивлению своему и мужа, Клэр согласилась, едва увидев дом, в котором семье предполагалось поселиться. Это оказалось белое здание в колониальном стиле с зелеными ставнями и смежным красным сараем на угловом участке площадью в пол-акра, раскинувшимся недалеко от реки. Дом был построен в 1873 году как фермерское хозяйство, до кампуса от него было рукой подать, и стоил он меньше, чем студия в Нью-Йорке. Причем его только-только выставили на продажу.

Так что в тот судьбоносный визит одним прохладным весенним днем, потратив всего полдня на просмотр недвижимости, Клэр и Гас согласились на цену продавца, будучи в полном восторге от того, что могут себе это позволить. Этот дом станет их первым собственным жильем. Правда, пока было неясно – им повезло или они переплатили (как случилось у жителей мегаполисов)? Экономика городка находилась в упадке. Цены на недвижимость стали значительно ниже средних по стране. Ежемесячный ипотечный платеж составлял лишь смешную часть той суммы, которую они раньше платили за аренду. Очарованные широкими коридорами, несколькими каминами и бессчетным множеством комнат, они не учли расходы на отопление, налоги на недвижимость, уборку снега, ремонт террасы, аварийные ситуации с сантехникой и новую котельную, в которой дом остро нуждался. Вместо этого они восхищались светлой гостиной вдвое шире той, что была в старой квартире, огромными книжными стеллажами у стены и уютным местом у окна. Еще была комната-кинозал – или, подумалось Клэр, кабинет для прослушивания старых пластинок. Имелась также отдельная столовая и квадратная кухня с обеденной зоной – с глубокой раковиной, наборными столешницами из массива и огромным окном, выходящим на просторный задний двор. А снаружи – настоящий белый штaketник и деревянные веревочные качели на высокой сосне.

И на заправке можно было купить свежий номер *New York Times*.

Они успокоили и утешили Хейзел и Вульфа, арендовали небольшой грузовой «фольксваген», и уже первого июля получили в свое распоряжение ключи от дома на Пайн-стрит. Подсобный рабочий, знакомый еще предыдущим хозяевам, выкрасил стены в белый цвет в сканди-

¹⁰ «Чоп суэй» (англ. Chop Suey – китайское рагу) – картина американского художника-реалиста Эдварда Хоппера, написанная в 1929 году. На ней изображены две беседующие в ресторане девушки.

навском стиле, а Клэр ему помогла. Она купила стол из массива и желтые пластиковые стулья на деревянных ножках. В гостиной напротив камина она поставила коричневый кожаный диван с высокими подлокотниками, неубиваемый в плане возможной собачьей активности, купленный на распродаже в Форт-грин за двести пятьдесят баксов, а по диагонали от него – розовую икеевскую софу. Еще она раздобыла секционный мягкий уголок для пятничных кино вечеров. Клэр хотелось создать – наконец-то! – для своих детей уютное и удобное жилье, полное любви, книг, музыки, самой жизни и обязательно – красоты, то есть, такое семейное гнездышко, в котором она сама хотела бы расти.

Ривербург, в прошлом фабричный городок, был местом довольно убогим. Заброшенная трикотажная фабрика на берегу реки зияла выбитыми окнами. Вдоль главного шоссе тянулись торговые центры с супермаркетами и фастфудом, и комиссионками, и огромными дискаунтерами, и мотелями, и вечно забитой под завязку пиццерией со странноватой пиццей. Пайн-стрит при ближайшем рассмотрении оказывалась улицей, где эклектично соседствовали частные особняки и сдающиеся в аренду многоквартирные коттеджи. Некоторые выглядели очаровательно. Другие же видали времена и получше, о чем свидетельствовали облезлые крылечки. В церквушке за углом была бесплатная столовая, а в обед там раздавали сэндвичи – как и в церкви в Бруклине, где они раньше жили.

Во многих смыслах Ривербург был местом идиллическим. Дом располагался недалеко от центра города, на Мэйн-стрит стояла библиотека и здание оперы, куда Вульф ходил в театральный лагерь, рядом – новая гостиница с камином в лобби, пешеходный мостик через реку, а дальше – магазин органических продуктов и кафе The General. По четвергам после обеда оживала фермерская ярмарка: приезжал фургон с мороженым с шоколадной соленой карамелью, которое было лучше любого бруклинского, пекарь-меннонит торговал самыми вкусными немецкими бретцелями, которые Клэр когда-либо пробовала, а выбор местных фруктов и овощей – от дыни до свеклы – оказывался поистине щедрым. Раби города (да, в городе был раввин!) и ее жена (нетрадиционная раби!) приглашали Клэр на мастер-класс по ферментации. Вечерами Клэр сидела на веранде, накурившись весьма приличной марихуаной, а потом забиралась под шерстяное одеяло и смотрела вместе с Гасом «Настоящих домохозяек».

Все могло бы быть и хуже. Гораздо хуже.

* * *

Если бы только Клэр знала, что делать со своей жизнью. Она хотела счастья. И должна была стать счастливой. Но стала ли?

Сегодня ей пора было перестать прокрастинировать и приступить наконец к разработке новой линии одежды. Но Гаса и детей все утро не было дома, так что у Клэр и конь не валялся. Она даже вложилась в швейную машинку Pfaff, купила подержанный оверлок, а также раздобыла манекен, гладильную доску и отпариватель. На ривербургской барахолке ей попался отличный здоровенный стол, когда-то стоявший в местной библиотеке. Теперь на нем стопками лежали натуральные ткани, обрезки и залежавшиеся остатки, целая коллекция антикварного шитья и горы набросков. Над столом на стене красовалась в ожидании новых идей пустая пробковая доска.

И что? И ничего.

Клэр изучала швейное дело в Род-Айлендской школе дизайна. В BuildGood она славилась тем, что умела заблаговременно предвидеть новые тренды – комбинезоны без рукавов и с рукавами, широкие джинсы, возвращение «вареной» ткани и розового цвета – и предлагала их дизайнерской команде. Она наблюдала за нарядами своих бруклинских соседок-мамочек, подбегавших ко входу в начальную школу, где учился Вульф, или приглядывалась к последним модным находкам нянь-студенток из Университета Нью-Йорка или Пратта, которые иногда

подвозили детей. Все было в разы проще хирургии мозга, да и обманом считаться не могло. Так мир моды и черпал вдохновение – на улице. Однако она чувствовала, что не успевает за всем угнаться. Отчасти потому, что ей уже стукнуло сорок семь, а отчасти потому, что тренды в социальных сетях сменялись молниеносно, и ее наметанный глаз и вкус становились не нужны. И ее мало-помалу переводили в команду по созданию домашней одежды.

BuildGood ставил себя чуть выше быстрой моды. Иногда Клэр разрешали участвовать в партнерских проектах или коллаборациях с ее любимыми небольшими частными брендами, но в рамках ограниченного бюджета компании многое она сделать не могла. Обычно они просто копировали любимых независимых дизайнеров. Это было законно, хоть и неэтично. Или демократично – это уж как посмотреть. Зарегистрировать авторское право на внешний вид было невозможно.

Когда ее наставник и босс оставил компанию и переехал на ферму в Коннектикут, Клэр поняла, что ее в любой момент могут попросить на выход. А что дальше? Так что, когда Гасу предложили бессрочный контракт на выгодной должности – в дешевом городке, со льготами и высокой ставкой, в штате, где производство лучше, а воздух чище, чем в среднем по стране, откуда до Нью-Йорка день пути на машине, – Клэр поняла, что отказываться нельзя.

Ступая на самостоятельный путь, Клэр надеялась создать продуманные вещи, которые никогда не выйдут из моды. Детали бизнеса (закройщики, производство) оставались пока размытыми. Ее первоначальная идея заключалась в создании дебютной коллекции по мотивам «Скрипача на крыше»¹¹. (Вульф прошлой зимой безостановочно слушал оригинальный саундтрек бродвейского мюзикла.) В коллекцию должна была войти крестьянская блуза, так называемая «рубаша из штетла»¹², жилет молочника, казацкие шаровары и балахон свахи. В ее студии лежал образец такой рубашки, который она пыталась довести до совершенства, но ничего не получалось. Выбравшись из пузыря Нью-Йорка, она поняла, что фантазия никогда не станет реальностью.

В поисках свежей идеи Клэр задумалась о своей новой жизни (пусть даже воображаемой, а не настоящей) в стиле штата Мэн. Классические рабочие джинсы. Малярные штаны из органически окрашенной ткани. Хлопковое вафельное термобелье. Цементно-серый свитшот. Ажурная пижама. Простая полосатая рубашка. Стеганный жилет. Идеальный шерстяной кардиган, если бы ей удалось научиться вязать на спицах. Но все эти идеи вместе с вязанием казались на самом деле бессвязной чушью. Бессмысленным производством все большего количества одежды – нового мусора для шкафов, комодов и свалок.

А на самом деле Клэр мечтала стать художницей. Настоящей художницей, значимой. Как ее соседка по комнате и однокурсница Рамона, знаменитая керамистка со всеми вытекающими. Но выпускать собственную линию одежды казалось смешным. Это непрактично. Это ей не по карману. Это нарциссично. Да и припозднилась она на пару десятилетий. Кто обратит на нее внимание? Она же не какая-нибудь клевая юная штучка из Бушвика или Риджвуда. Она уже пятый десяток разменяла. Да и вне контекста возраста и денег Клэр особо не видела смысла в созидании неких вещей. Достаточно ли (пытаться) создавать нечто прекрасное, спрашивала она себя, садясь по утрам за работу. Есть ли в этом смысл?

¹¹ «Скрипач на крыше» – это один из самых известных бродвейских мюзиклов (1964), основанный на цикле рассказов Шолом-Алейхема «Тевье-молочник». Действие происходит в 1905 году в деревне Анатевка (черта оседлости Российской империи). Главный герой, бедный молочник Тевье, пытается выдать замуж пять своих дочерей, сохранив еврейские традиции в меняющемся мире. Дочери одна за другой нарушают обычаи.

¹² Традиционная одежда еврейского штетла (местечка) начала XX века в «Скрипаче на крыше» отражает скромный быт того времени. Шили такие рубашки обычно из домотканого полотна белого или серого цвета, часто в полоску. Они представляли собой свободные туники, часто без воротника или с воротником-стойкой, застегивающиеся на пуговицы только у горловины.

* * *

Клэр помыла посуду после завтрака, приготовила себе вторую чашку кофе и унесла дымящийся напиток в студию. Она собрала седеющие волосы в пучок, взяла карандаш, достала блокнот, отложила оба предмета в сторону и принялась листать на телефоне банк вакансий. Колледж приглашал на работу администратора кафедры иностранных языков. В музей галереи требовался охранник. Студия независимого кино искала киномеханика, а начальная школа за углом – учителя на полную ставку.

Но Клэр хотелось творить. Она вернулась к карандашу и блокноту и принялась за работу. Все равно дети должны были скоро вернуться из школы. Может, никакими особенно *значимыми* результаты ее труда и не станут – в широком художественном смысле, – но по меньшей мере Клэр могла предложить людям нечто полезное. Что-то такое, что люди охотно – и даже с радостью – станут носить. Какую-то одежду, которую хочется надевать каждый день. Нечто противоположное тому, что она создавала в BuildGood. Она вспомнила, как давным-давно один профессор из школы дизайна бесконечно распространялся о красоте и утилитарности, о форме и функционале. Желание создавать нечто эстетически приятное было древней и естественной потребностью. Людям нужна одежда. Особенно в штате Мэн.

Клэр уже почти погрузилась в тот самый желанный чиксентмихайевский поток¹³, как вдруг услышала лай Пикла, потом грохот, потом – пугающее обилие громкого текста. Она распахнула окно у стола, высунулась в сентябрьский воздух и увидела, что кто-то – ребенок, девочка, *ее* девочка – яростно колотит в дверь, стоя на крыльце.

Клэр бросила блокнот и рванула вниз. Русые волосы Хейзел торчали во все стороны в непривычном беспорядке, словно та сунула пальцы в розетку.

– Хейзел? Черт. Что случилось? В чем дело?

– В том, что я тебя ненавижу. И это место тоже.

¹³ Поток, потоковое состояние, переживание потока (англ. flow, лат. influunt) – психическое состояние, в котором человек полностью включён в то, чем он занимается, что характеризуется деятельным сосредоточением, полным вовлечением в процесс деятельности. Концепция потока предложена Михаем Чиксентмихайи в 1975 г.

4. Хейзел говорит «нет»

Какая. Адская. Дичь.

Директор же не *подкатывает* к ней, так? Как такое вообще может происходить вправду?

Ей подумалось, что он так по-идиотски, с иронией, шутит. Или в кабинете установлена скрытая камера. Это что, какая-то проверка?

Потому что – ну как этот человек может быть тем самым безобидным папашей в мешковатых шортах из бассейна? Может, у нее просто глюки? Может, она в каком-то смысле чутка двинулась мозгами?

Он смотрел прямо ей в глаза, ожидая ответа. Выглядел максимально серьезно. Как он вообще мог так ее трогать? Как у него язык повернулся сморозить такую хрень? Все происходящее казалось нелепым. И непостижимым.

Наверное, Хейзел что-то не так расслышала. Но со слухом у нее все было в порядке.

Охренеть, подумала Хейзел. Ей же никто не поверит. Ни за что.

Время остановилось. Сердце колотилось в груди с грохотом самодельной бомбы.

Она молчала.

И он молчал.

Тишина. Только этот ужасный человек сидел и пялился на нее. Он хотел – ждал! – чтобы она ответила «да». А Хейзел сидела ни жива ни мертва.

Всю жизнь с самого детства мама предупреждала ее насчет мужчин, а она не слушала. Она же из Бруклина. Она без сопровождения ездила в школу с пересадками с восьмого класса. Она умела постоять за себя: когда нагловатые парни в метро слишком засматривались на нее, вплотную протискиваясь мимо в переполненном вагоне, она воспринимала эти краткие столкновения как мелкие досадные неприятности. А ведь надо было слушать маму: мужчины могут быть опасны. Однако личный опыт Хейзел – до сегодняшнего дня – рисовал взрослых мужчин как нечто не стоящее внимания. Они как бы просто существовали и все. Беспокойство вызывали молодые представители этого вида. Футболисты, например, оценивали лицо/фигуру/личность Хейзел и ее подруг по десятибалльной шкале, громко обсуждая девушек за обедом и публично обесценивая и препарируя их в групповых чатах.

Однако сейчас, впервые столкнувшись со взрослым мужчиной, Хейзел до смерти перепугалась. Она вдруг отчетливо осознала, что из-под лямок сарафана проглядывают бретельки ее красного хлопкового бюстгалтера. Что у нее голые плечи и колени, что на пальцах ног виден облупившийся черный лак. Ее прошиб пот.

Они молчали, пока тянулась эта самая долгая минута (или минуты?) в жизни Хейзел. Играли в гляделки. Кто кого.

Она прикинула в уме варианты. Все они были ни к черту.

– Ты мне нравишься, – сказал директор. – Очень.

Нравится? Да он ей в отцы годится.

– Ты же не станешь делать вид, что мы не плясали друг вокруг друга целое лето. Не ходили вокруг да около. – Он взмахнул рукой в воздухе между ними.

Плясали? Боже.

– Я знаю, ты вполне осознаешь, что делаешь. И что сделала.

А что она такого *делает*? И что сделала? Она занималась в бассейне своими делами. Присматривала за братом. Читала. Когда к ней подходили – прерывая, спрашивая, что это она читает, – она просто проявляла вежливость. По отношению к своему директору! И она согласилась организовать внеурочный клуб, а не стать его личной Лолитой.

– Ты же сама видишь, что между нами установилась связь. Понимаешь, как сильно меня к тебе тянет. И как я тебя чувствую.

Она уставилась в пол.

Хейзел потряхивало, голова становилась легкой и кружилась. Она была на грани обморока.

Она вжала в ладони короткие острые ногти и мысленно велела себе упереться ногами в пол и сосредоточиться на ощущении собственного тела.

– А если я не хочу? Если я скажу «нет»? – Она услышала собственный голос, не успев даже мысленно сформулировать вопрос или позволить своим губам его произнести.

Директор сделал обиженное лицо и изобразил удивление. Неподдельное удивление.

– Я не думаю, что ты сможешь так ответить, согласна?

– Да? – сказала Хейзел, изо всех сил вцепляясь в край стула и делая самый глубокий вдох за восемнадцать лет своей жизни. – А если смогу?

Он встал. Высоченный такой. Возвышался над ней, как башня.

– Ну, на этапе подготовки к поступлению твоя жизнь может несколько усложниться. Надо же будет твои документы передать, вовремя допустить тебя к аттестации. И потом, как я уже говорил, в приемной комиссии Вассара у меня есть знакомый...

Так это он двинулся мозгами. Как он вообще может занимать пост директора школы? Как можно говорить такие вещи и потом собираться на следующий день выйти на работу?

А что, если он совершенно серьезен? Что, если ее шансы на поступление – учебу в колледже, дальнейшее трудоустройство – зависят от того, согласится ли она заниматься с ним сексом? Прикасаться к нему? Или позволить ему прикасаться к ней? Хейзел задумалась. Если вообще живой человек способен задумываться о жизненно важных вещах, практически теряя сознание.

Может, стоит попробовать его как-то уговорить? Позволить ему самую малость, чтоб он отвыкнул. Пофлиртовать (это она умела). Немного успокоить. Умилостивить. Поторговаться? Ответить уклончиво? Или найти отмазку (месячные? родители? девственность?).

Короче, надо было как-то выкрутиться и не отказывать ему напрямую. Может, ей стоит...

Но тут Хейзел решилась.

Нет. Это, подумалось ей, не станет концом всей истории. И хорошей девочкой она не будет.

А директор может идти в жопу.

С этой мыслью Хейзел выдохнула и издала глубокий, какой-то нутряной, мощный рык.

Нет. НЕ-Е-Е-Е-ЕТ.

Нет!

– Нет, – сказала она. *Хрен тебе.*

А потом встала и рванула прочь.

Хейзел бежала по коридору, но ей казалось, что она тащится сквозь зыбучие пески. Она нашла женский туалет и заперлась в кабинке. Сказать «нет» – это только половина дела. Сказать «нет» было легко (относительно). А дальше?

Она понимала, что, какое решение не прими, все равно окажешься в заднице.

А еще Хейзел пребывала в шоке, пытаясь осмыслить случившееся безумие. Нужно было как-то взять себя в руки, потому что ей казалось, что иначе она просто сдохнет прямо здесь.

Так что Хейзел напонила себе: у нее все в порядке. Каждый день по всему земному шару происходят вещи гораздо более страшные. У нее есть пища, есть дом, есть семья и есть будущее. У нее все В ПОРЯДКЕ.

Если задуматься – ничего страшного не произошло. Правда? Ей задали вопрос, сделали предложение, она его отвергла. С одной стороны – только что пережитое казалось ей катаклиз-

мом, от которого земля уходит из-под ног. С другой – может, это не так уж и важно. Он же ни к чему ее не принуждал. Не изнасиловал, ничего такого.

Прозвенел звонок, коридор наполнился топотом и голосами учеников. Она пропустила статистику, а теперь пропустит еще и экологию, если не соберется в кучу. Но ее тошнило. Ей хотелось выплюнуть собственные внутренности. От ярости зудела шея и живот. Наверняка еще и крапивница выступит.

И у нее не все в порядке.

Директор пригрозил ей трудностями с получением аттестата. А если он пойдет на принцип и правда решит пересрать ей будущее? Учебу в колледже? Потому что раз он может замолвить словечко за нее – то наверняка может и *против*? В Вассаре? Где у него есть *знакомый в приемной комиссии*? А раз он сказал, что именно так и поступит, если она откажет – что она и сделала, если вдруг кто забыл, – то как далеко он зайдет, когда она кому-нибудь обо всем *расскажет*?

Если расскажет. Но рассказывать не обязательно. И, наверное, не стоит этого делать. Ей и представить было страшно, в каком шоке окажутся родители. Или как она станет появляться в школе до конца учебного года.

Может, стоит выждать? Сохранить это в памяти, как нелепый анекдот, который можно будет рассказать лет через десять? Что если она просто останется обычной девчонкой, тихоней, которая закончит себе школу и поступит в колледж? В конце концов, это ее право – не превращать свою жизнь в хаос.

Снова послышался звонок. Захлопнулись двери шкафчиков. Подошвы прошаркали в классы. Пора было принимать решение. Может, несмотря на все внутренние сомнения и рациональные доводы держать рот на замке, она просто не сможет спокойно жить, если не доложит о директорской выходке.

Хейзел плеснула на лицо водой из крана и направилась в администрацию школы. Завуч разговаривала по телефону. Хейзел заорала – правда, мысленно. В реальности же она ждала и колебалась. Опять. Одно дело – сказать «нет». Совсем другое – рассказать обо всем случившемся. Как она может позволить себе создать такое первое впечатление, если ей нужно как-то пережить этот год и потом добиться от них помощи в поступлении?

Никак. Он их начальник. С чего бы они ей поверили? Ей и так уже все уши прожужжали, какой директор «молодец». Как он предан своей работе. Родители говорили, что он открыл в школе сообщество ■■■■■ и клуб дикой природы. Хейзел обратила внимание, как с ним общались люди в бассейне. Его встречали, как какого-то местного героя. А она была лишь странненькой девчонкой из Нью-Йорка.

И что будет значить ее слово против его? Ничего.

Хейзел выудила из сумки тетрадку с расписанием. Потом вышла из кабинета завуча, подогреваемая адреналином и решимостью, поднялась по лестнице и потопала в кабинет естественных наук. Веди себя нормально, мысленно повторяла она, как мантру. Веди. Себя. Нормально. *Ничего не случилось*. Она нашла свободное место на заднем ряду, извинилась за опоздание и тупо уселась, отключив мозг. В этом же состоянии Хейзел дотолкала себя до последнего звонка в 14:45, чтобы сделать наконец то, чего отчаянно желала весь день.

Она выбежала из школы, вскочила на велосипед и помчалась домой.

5. Хейзел все рассказывает (маме)

– Хейзел? Я войду? – спросила мама, два раза сухо постучав в дверь.

– Нет.

Пропсиховавшись на крыльце, Хейзел пулей взлетела на третий этаж, в свою комнату – единственную в доме спальню с отдельным санузелом, где имелся старый унитаз, замызганная раковина и несуразная металлическая кабинка, именуемая «Королевская купальня». Благодаря Вселенной, что ей досталось не просто отдельное от всех помещение, а целый этаж, она сорвала с себя платье и бюстгальтер и включила максимально горячую воду. Хейзел стояла под струями, пока кожа не порозовела, а потом и покраснела. Стояла, пока горячая вода не закончилась и не потекла холодная. Вернувшись в спальню, она надела дырявую футболку, пижамные шорты и залезла в постель. А потом сделала то единственное, что вроде как могло помочь ей преодолеть тревогу: открыла сайт Вассара.

– Я хочу поговорить, – сказала мама из-за двери. – Можно?

– Я тебя умоляю, уходи.

– Расскажи мне, что случилось.

– К тебе это не имеет отношения.

Хейзел было совсем худо. У нее свело живот – близились месячные, но так больно ей в жизни не бывало. Нужно было взять грелку, однако та лежала в ванной на втором этаже, а она не собиралась покидать свою комнату в обозримом будущем.

– Хейзел, я вхожу. – В ее семье не было привычки устанавливать замки на дверях. Да и мама легко не сдавалась.

– Спрашивается, и зачем мне отдельная комната?

– Да какого же черта, Хейзел? Что такого ужасного произошло? Ты меня пугаешь.

– Тебе лучше не знать, – ответила дочь, уставившись в телефон. – Все ужасно. Кошмарно. Представь себе самое худшее событие, самый худший день и умножь на миллион.

– Что тебе не понравилось? Дети? Уроки? Учителя? Расписание дрянь? – Клэр закрыла за собой дверь и села в изножье кровати. – *Посмотри* на меня, Хейзел.

Хейзел сунула телефон под покрывало.

– Я и *смотрю*.

– Не волнуйся, тебе всего год остался. Ты уже и так достаточно умная.

– Мне плевать на знания.

– Мы обе знаем, что это неправда... погоди. Кто-то принес оружие?

– Что? Оружие? Мам. Нет. Ничего подобного. Такие подозрения в адрес белых провинциалов – это, знаешь, такой себе стереотип. Ну или как их тут назвать.

– Тогда в чем проблема?

– Я не могу объяснить. Да и все равно ты не поймешь.

Мама включила кондиционер. Это было автономное громоздкое устройство, трубу которого папа кое-как пристроил к окну старого типа. Мама осмотрела руки и ноги дочери на предмет травм и увечий. (Что она там ищет? – подумала Хейзел. Клещей? Синяки?) Клэр иногда замыкалась на себе, но она была хорошей матерью. Достаточно хорошей. Она беспокоилась о детях. Иногда даже чересчур. И она была – как бы поточнее выразиться – крутая? Круче, чем Хейзел когда-либо сможет стать. Девушка разрывалась между безусловной любовью к маме, восхищением, раздражением и страхом перед ней. И ненавистью. Сегодня она ее ненавидела.

– Ты вся красная, – резюмировала Клэр.

– Ну извини, что приняла душ. Извини, что слежу за чистотой.

– Дай-ка телефон.

Хейзел дала. Какая разница? Мама что, думает, что найдет там ответы? Или пытается наказать ее за желание уединиться? Бред собачий. Ей уже восемнадцать.

– С тобой что-то случилось? С тобой кто-то что-то сделал?

Ха.

Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

– Хейзел, я твоя мама. Я должна знать. – Клэр начинала ее пугать. – Не имеет значения, о чем речь. Расскажи мне. Я обещаю не сердиться.

Задним числом Хейзел казалось, что она и хотела все рассказать. Подсознательно – хотела. Может, ею двигала храбрость. Может, все, что случилось далее в том году, было только из-за того, что мама вытянула из нее это признание.

Позже она поняла, что могла бы сделать другой выбор. Оставить все при себе. Перестраховаться на будущее. Откуда ей было знать, что признание запустит целую череду отголосков и последствий, как брошенный в воду крошечный камешек запускает рябь, насколько видит глаз. Дальше и дальше.

Мама сидела у ног Хейзел и слушала, ни разу не перебив. Что, кстати, было непривычно в доме семейства Блум. И чтобы рассказать всю историю, понадобилось кое-какое время. Она уже понимала, что случившееся превращается в историю. Только вот история была правдивой.

– Он *так* и сказал? Он произнес слово «секс»?

– Мне сколько раз одно и то же повторять?

– Давай-ка еще раз, – ответила мама. Она попыталась помассировать ноги дочери, но та оттолкнула ее руку. У Клэр на лице было такое типичное выражение «мама переживает», что Хейзел удавить ее хотелось.

– Может, мне еще станцевать и показать в лицах? – Хейзел села прямо. Больше она ничего повторять не станет. Никогда в жизни. Это в последний раз. – Ладно. Директор вызвал меня к себе в кабинет и попросил заняться с ним сексом. Стать его девушкой или что-то в этом роде. Он сказал, что каждый год выбирает себе ученицу. И предложил написать мне рекомендательное письмо в Вассар. – Эту подробность она ранее забыла сообщить.

Клэр молчала.

Как такое могло произойти? Как – после всего? После того, как всех этих говнюков арестовали и публично распяли в газетных заголовках? После всех тюремных заключений и многомиллионных исков? До Мэна что, новости не доходят? В каком мире живет этот директор, раз он решил, что ему сойдет с рук такое смехотворно очевидное правонарушение? И ведь он решил.

– Какой ужас! – воскликнул ее брат, который все это время подслушивал, притаившись на наблюдательном посту в уголке чуть ниже на лестнице. Он взобрался по узким ступенькам, распахнул дверь и залез к Хейзел в кровать.

– Вульф! – одернула его Клэр. Она сейчас едва понимала, как справиться с одним ребенком, а тут целых два. – Ты когда успел вернуться домой? У нас личная беседа.

– Она моя сестра, – ответил Вульф. – Я имею право все знать.

Они хотя бы поддерживают друг друга, сказала себе Клэр. Потому что в ее отчем доме, если и происходило какое-нибудь дерьмо, то когда папа успокаивался, девочка оставалась одна-одинешенька – а маму нигде даже видно не было.

В дверь просунулся нос Пикл, собака подошла к кровати.

– Забери документы из школы и настучи в Департамент образования, – предложил Вульф.

– Мне кранты, – ответила Хейзел.

– И что нам теперь делать? – спросила Клэр – у детей, у мироздания, у вселенной. – Господи, Хейзел. Мне так жаль.

– Я же говорил, не надо нам переезжать, – вставил Вульф, который ждал, когда кто-нибудь спросит, как прошел *его* день.

Жона. Жона. Жона. Вульф был прав. И о чем только Клэр думала, срывая семью с привычного места, при том, что в Бруклине им было вполне нормально? Что Гас станет *заведующим кафедрой*? Что Хейзел поступит в колледж *свободных искусств*? Что у Вульфа будет целый *двор* для игр? Что сама Клэр будет заниматься каким-то *творчеством*? Вот она – цена, которую придется заплатить за свою жадность. За эгоизм.

– Не имеет значения, где ты живешь, – сказала Хейзел, пока брат обнимал ее. – Такое может случиться где угодно. Это происходит пов... повсеместно. Сегодня так сложилось, что это произошло со мной.

– Я звоню папе. Я. Звоню. Папе! – Вульф увидел в руке Клэр два телефона, ее и Хейзел, и быстро схватил один из них.

– Нет! – Хейзел выдернула гаджет из руки брата и сунула под подушку, потом уселась сверху. – Я не хочу накручивать ситуацию, оно того не стоит.

– Хейзел, – отозвалась Клэр, вышагивая по узкой доске на полу у кровати. – Тут и так накручено дальше некуда.

– Ладно, хорошо. Да. Кое-что случилось. Очень-очень странное. Но я устала, я не хочу ни с чем разбираться. Можно мы позже все обсудим? Можете сейчас уйти, пожалуйста?

– Так, я звоню, – заявила Клэр. – Не обсуждается. Этот социопат будет гнить в тюрьме.

– НИКАКИХ ЗВОНКОВ, – сказала Хейзел. – Хватит с меня этих разговоров. Папа все равно ничего не сможет сделать. Типа, дело серьезное, нужно срочно позвать мужчину? Ты в пятидесятых живешь или как?

Вульф забрал у Клэр второй телефон. Голосовая почта.

– Папа? У нас неприятное происшествие. Немедленно перезвони. Это срочно.

6. Гас пытается работать

Гас не взял трубку. Он пытался поработать. Он постоянно пытался поработать.

Летом ему передали бразды правления кафедрой американистики, назначив его новым заведующим. Теперь кафедру возглавляли двое – Гас и предпенсионного возраста профессорша семидесяти одного года, параллельно занимавшаяся американистикой и антропологией, но президент обещала выделить еще одну-две штатных единицы.

Еще в Бруклине, пока он служил в Роки-Крик, Клэр убеждала его попросить прибавку, что было невыполнимо в масштабах государственного учебного заведения, работающего на последнем издыхании, и особенно – на кафедре, где даже на обслуживание принтеров не хватало средств. А прошлой зимой в издании *The Chronicle of Higher Education* вдруг появилась вакансия, как будто созданная специально для Гаса. Он посетил кампус, встретился с президентом колледжа Николь Хилл, которая выкроила в своем плотном расписании время, чтобы с ним позавтракать. Ему в номер прислали цветы. Через два дня поступило официальное предложение. Зарплату обещали значительно выше, чем в Роки-Крик, плюс предполагалась прибавка на первоначальный взнос по ипотеке (если они решат купить дом в городе), повышение от ассистент-профессора до полного профессора, обширный исследовательский грант для поездок на конференции и в архивы, а также загрузка в два курса в семестр, если он останется заведующим кафедрой. «Вы нам нужны», – говорила Николь Хилл.

Гас должен был радоваться такому предложению. Но он мечтал преподавать в ведущем университете с блестящими аспирантами и мыслителями мирового масштаба и заниматься передовым исследованием, которое бы определяло культуру на поколения вперед. Его бы устроил Университет Чикаго. Норфолк. Калифорнийский Беркли, где он вырос в тени славы учебного заведения. Или Лига плюща? Но, конечно, главной целью, святым Граалем – и, насколько понимала Клэр, единственным приемлемым итогом их истории – был бессрочный контракт с жилищными льготами в Университете Нью-Йорка или Колумбийском.

Другие считали, что он и так уже преуспел. Он профессор, его жена – шикарная, образованная и любящая женщина, у них талантливые и не по годам развитые дети. Но Гас едва держался. Даже если не говорить о финансах, в Нью-Йорке невозможно было работать. Думать. Уж точно не в трехкомнатной квартире в восемьдесят шесть квадратных метров с одним санузлом и без прачечной, где Вульф бегал по стенкам, Хейзел хлопала дверями, а Клэр прыгала на батуте прямо в гостиной. Писать получалось урывками – либо в пять утра, либо когда дети ложились спать. В (редкие) свободные будни, на каникулах или по вторникам и четвергам, когда у него не было занятий, Гас сидел в Розовом читальном зале публичной библиотеки Нью-Йорка. То было его любимое время – он мог полностью погрузиться в свои труды, и это стоило напряжения всех остальных дней. Чаще всего он делал записи между лекциями и организационной работой, втиснувшись в вагон род-айлендской железной дороги и отгораживаясь от собеседников резиновыми берушами, эдакой дешевой версией наушников с шумоподавлением.

Когда-то он считал себя настоящим марксистом. Однако, было сложно одновременно придерживаться левых взглядов и хотеть смузи с ореховой пастой за девять долларов. Его колледж был респектабельной (весьма, кстати, приличной и труднодоступной) школой свободных искусств, где одаренный ученик знакомился с Мишелем Фуко и Джудит Батлер, в перерывах понемногу катаясь на лыжах, прежде чем его зашвыривали в недра капиталистической машины четыре года спустя. Так что он променял перспективу нью-йоркских интеллектуальных высот на большую зарплату и большой дом.

Для человека, далекого от академической среды, разница между исследовательским университетом и элитным колледжем несущественна. Колледж – это само по себе теплое место, хоть в Мэне, хоть где. Так что в итоге получится, если Гас оценит положение вещей по собственной шкале? Он не только заведует кафедрой, он еще и обеспеченный профессор: эдакий Леон Леонвуд Бин¹⁴, профессор американистики. Правда, кафедры как таковой у него пока не было: он восседал на картонной коробке, пристроив ноутбук на колени, потому что мебель в его кабинет еще не привезли; именитый профессор с хорошей зарплатой, недотеха с застопорившейся карьерой.

Снова зазвонил телефон. Вызывала Клэр.

Он перевернул телефон экраном вниз и уткнулся обратно в учебный план. В этом семестре он читал две дисциплины: семинар «Американская семья» и вводный курс «Деконструкция Америки». А после того, как разберется с учебным планом, ему предстояло еще полночи не спать и готовиться к первым лекциям.

Специальностью Гаса были вопросы представления пола и гендера на телевидении с фокусировкой на «семье». Он получил степень бакалавра в универе Санта-Крус, а аспирантуру заканчивал в Брауне, где на последнем курсе опубликовал серию статей, наиболее известной из которых стала «Практика отцовства в возрасте за тридцать». Его теории широко цитировали, хотя не особо внятно понимали, что позволило ему получить должность ассистент-профессора в Роки-Крик. После «Практики» он выпустил небольшую монографию – скорее даже брошюру – под названием «Семейный человек», посвященную Герберту Маркузе, радикальному социальному теоретику, и способам использования его идей для деконструкции гендерно-окрашенных потребительских посылов в реалити-шоу.

В колледже у Гаса появилась возможность написать свою главную книгу – много раз анонсированную, обещанную, давно ожидаемую, когда-то предвкушаемую публикой и с тех пор почти забытую работу под названием «Семейные дела: американский брак на телевидении».

На самом деле он написал всего десять страниц. Обосновавшись в Краю отпусков – как принято было именовать штат Мэн, – Гас надеялся обрести ту долгожданную тишину и покой, которых так жаждал, погрузиться в соответствующую рабочую атмосферу, в которой сможет размышлять последовательно и тщательно, вопреки мнению однокурсников и профессуры, будто бы он на это не способен. Исследования для книги требовали тысяч часов телепросмотра и ведения исключительно подробных заметок. Гас рассчитывал, что с меньшим количеством отвлекающих факторов и персональным рабочим местом дома он сумеет наконец написать эту книгу.

Чертов телефон. Опять! Видимо, Вульф хотел попросить отца приготовить ужин. Гас не отвечал и чувствовал себя виноватым, но нужно было готовиться к занятиям. Придется Вульфи обойтись пастой, приготовленной Клэр.

Они с Клэр познакомились в кофейне в Провиденсе воскресным утром незадолго до его выпуска. От нее пахло можжевельником. Она была умна – не *интеллектуалка* вроде его однокурсников, но гораздо проникательнее и сообразительнее большинства из них. Клэр показала ему начитанной и забавной. И он пропал. Влюбился. Спустя семь лет расставаний и воссоединений, когда Клэр внезапно стошнило на новогодней вечеринке в Ред-Хук, хотя она пила только второй бокал вина, они оба вдруг поняли, что что-то пошло не по плану. В два часа ночи аптечный тест на беременность подтвердил их подозрения. Клэр казалось, что в двадцать

¹⁴ Леон Леонвуд Бин – американский изобретатель, писатель, любитель активного отдыха и основатель компании L.L.Bean, производящей «лягушки», непромокаемые легкие ботинки с низом от резиновых сапог и верхом от кожаных.

девять лет ей рановато становиться матерью, но она ненавидела своих родителей и мечтала о собственной семье. Родители Гаса к тому времени уже умерли: мама – еще когда он учился в колледже, а отец – когда в аспирантуре. И Гас тоже мечтал о семье.

Хотя они оба плевать хотели и на кольца, и на формальные бумажки, узаконивающие их отношения, Клэр нравилась перспектива побыть беременной невестой, а также получить более развернутую медицинскую страховку от университета Гаса. В последние выходные мая они поженились в городской администрации, а потом отправились обедать и танцевать в *Sammy's Romanian*, еврейский стейк-хаус в Нижнем Ист-Сайде. Гас надел полосатый льняной костюм, а Клэр – винтажное платье-сорочку с завышенной талией и кружевным корсажем. Живот приподнимал тонкую ткань. Медовый месяц они провели в замке-отеле на озере Мохонк, Нью-Йорк. А летом родилась Хейзел. (Экстренное кесарево сечение в медицинском центре Университета Нью-Йорка. Самые страшные и воодушевляющие тридцать шесть часов в его жизни.)

Долгие годы город работал в их пользу. Более-менее. Скромное наследство Гаса – доходы от продажи родительского дома минус долги отца и матери и медицинские счета – позволяли оплачивать детям внеурочные занятия, нянь и летние лагеря. Они возили детей по всему городу на метро, потом на колясках и велосипедах, потом водили пешком на коротких, а затем и на длинных ножках. Проспект-парк, Музей естественной истории, *Russ & Daughters*¹⁵, *The Strand*¹⁶ – все сразу. Клэр совмещала работу и заботу о детях (сперва как ассистент директора в *BuildGood*, затем как член дизайнерской группы). Гас делал то же самое, насколько позволял маршрут до Лонг-Айленда. Они вели достаточно активную жизнь, ужинали в ресторанах и заказывали еду на дом, периодически повторяя себе, что не перестали быть сами собой после рождения детей. Они тратили остатки родительских денег, чтобы позволить себе то, на что не хватало зарплаты отца семейства, пока финансы не закончились. Тут-то лавочка и закрылась.

В целом их брак оказался довольно счастливым. Они держались за руки, пока смотрели плохое и хорошее кино. Они веселили друг друга. Они занимались сексом примерно раз в неделю, когда Клэр об этом вспоминала, и также – когда удавалось провернуть тактический фокус и сделать так, чтобы обоих детей не было дома. Гас носил короткую стрижку и длинную бороду. У него в шкафу вечно была свалка из рубашек, которые он носил с подвернутыми рукавами, джинсов разной степени поношенности и свитеров, бесформенной кучей скапливающихся на нижней полке. Он был худощавым «жаворонком» со стабильным метаболизмом, ноги его были тонкими, а руки – крепкими и сильными. Он питал слабость к крекерам, носил очки а-ля Джон Леннон в золотой оправе и имел две скромных татуировки: на правом запястье красовалась электрическая пищащая машинка, на левом – старинный телевизор с антеннами-рогами.

Телефон на беззвучном режиме настойчиво вибрировал. Гас перевернул его экраном вверх, чтобы оценить масштаб катастрофы: целая простыня сообщений от Клэр, три новых пропущенных звонка и еще два – от Вульфа. Вот именно по этой причине он никак и не может написать книгу. Почему ему не дают поработать? Гас сдался и набрал номер, заодно вспомнив, что у детей был первый учебный день в школе, и подумав, что он ведет себя как последняя сволочь.

– Привет. Прости, не увидел вызов. Как дела у Вульфа? Как все прошло у Хейзел?

– Гас, где тебя носит? Приезжай домой. У нас ЧП.

– Черт. У Вульфа кровь носом идет? Врач нужен? Зажми ему нос, и пусть не двигается.

– Нет, не такое ЧП. И не у Вульфа. Я бы уж, наверное, с носовым кровотечением и сама разобралась.

¹⁵ *Russ & Daughters* – легендарный магазин и пекарня, кулинарная икона Нью-Йорка.

¹⁶ *The Strand* – самый большой независимый книжный магазин Нью-Йорка

– А что тогда? У Хейзел очередная драма? Я в кабинете, меня тут все слышат.

– Зато *меня* никто не слышит, – отрезала Клэр.

– Клэр. У вас там правда экстренная ситуация или что-то из серии «смыв в туалете не работает»? А то я, вообще-то, работать пытаюсь. У меня завтра лекция. И тот факт, что я работаю в пяти минутах от дома, не означает, что я могу мотаться домой каждые пять минут. Мы же это обсуждали.

– Боже. Гас. Ты серьезно? – сказала Клэр. – Ты хоть когда-нибудь поймешь, что на работе свет клином не сошелся?

Гас молчал. Свет именно что *сошелся клином* на работе. На работе и на детях.

– Наверное, я бы не звонила двадцать пять раз подряд, не будь у меня серьезной причины. Произошло безумное событие, это какая-то невероятная жуть, причем случилась она с Хейзел.

– Что? Слушай, ты меня пугаешь. Что там у вас?

– Я бы не хотела говорить по телефону, тут дети рядом. Ты нам нужен, ясно? Давай приезжай.

– Уже еду, – ответил Гас, хватая ноутбук и вытаскивая из коробки с надписью «УЧЕБНОЕ» несколько книг с загнутыми уголками страниц. – Держитесь.

7. Гас приезжает домой

Не зная, что предпринять, Клэр прибралась в кухне. Уборка всегда ее успокаивала, но сейчас, пока она оттирала губкой столешницу, у нее тряслись руки. Она чувствовала, как воспаляются псориатические бляшки, и в уме прикидывала, на сколько ночей ей хватит имеющихся запасов травки, прежде чем придется пойти купить еще. Она было подумала, не написать ли Рамоне в Бруклин, но ее вгоняла в панику сама мысль, что придется взять телефон и что-то с ним делать. Что делать-то? Звонить классному руководителю Хейзел? Главе отдела образования? Мэру?

Она услышала, как Гас паркует во дворе свой недавно приобретенный, но уже весьма пожилой универсал «вольво», и вышла на крыльцо с висящим на плече вроде эполета красно-белым полотенцем.

– Где Хейзел? – требовательно спросил Гас, вбегая в кухню.

– Я же тебе уже сказала: проблема *не медицинского* характера. Она у себя, – ответила Клэр, следуя за мужем. Они расположились в кухне: Клэр – за квадратным деревянным обеденным столом, Гас – облокотившись на разделочный. – Ты можешь сесть, пока мы разговариваем?

– Не сидится. – Гас принялся прохаживаться туда-сюда. Он был тревожным родителем. Гиперопекающим. Он как-то раз еле отпустил Пикла с поводка.

Однако, Клэр никак не могла начать рассказывать. Она распустила и перевязала растрепавшийся пучок.

– Так что случилось?

– Короче, – выдохнула она, – сегодня утром директор школы сделал Хейзел неприличное предложение.

– В каком смысле «неприличное предложение»?

– В смысле – ты не поверишь. Директор. Он вызвал Хейзел к себе в кабинет, запер дверь и сказал, что каждый год выбирает ученицу, чтобы заниматься с ней сексом...

– Это Ричард Уайт сказал?

– Да, мне Хейзел призналась.

– Заниматься с ней *сексом*? – переспросил Гас.

– Заниматься с ней сексом, – повторила Клэр. – Он сказал, что каждый год выбирает для себя ученицу, и в этом году остановился на Хейзел.

– Какого хрена? Ты почему мне не рассказала?

– Я пыталась. Я *несколько часов пыталась* все тебе рассказать. Это же ты хотел сюда переехать.

– Я звоню в полицию.

– Тихо. Притормози. Мы на самом деле не знаем, в чем там дело, – сказала Клэр. – Во-первых, ничего не было. То есть, разговор был, но на этом все. Он ее не трогал. Точнее, почти не трогал – она вроде сказала, что по коленке погладил. Или по бедру? Короче, Хейзел со всем разобралась.

– Разобралась? Она *ребенок*! Это преступление. Растление малолетних.

– Хейзел восемнадцать. Так что ни разу не малолетних.

Гас каблуком вдавил в пол шляпку разболтавшегося гвоздя.

– Может быть, это будет правильнее назвать жесткими сексуальными домогательствами? Или насильственными действиями сексуального характера?

– Привет, пап, – сказал Вульф, просовывая голову в кухню.

– И давно ты там стоишь? – спросил Гас. – Как первый день в школе?

– Неплохо. Но я адски устал. И есть хочу. Мама тебе уже рассказала, что случилось с Хейзел?

– Иди наверх. Я как раз рассказываю, – отозвалась Клэр. Она попыталась закрыть дверь в кухню, но сдвинувшаяся обувная стойка уперлась в косяк.

– Он что, в курсе? – Удивился Гас, по-быстрому соорудив для сына кесадилью.

– Он подслушивал. А ты попробуй за всем в доме уследи, – ответила Клэр, складывая тортильи и моцареллу обратно в холодильник. Готовил обычно Гас, но убирала за ним она.

– Я звоню Николь Хилл.

– Серьезно? Ты звонишь Николь? Это шутка? Засунь себе в жопу такие шутки. Она здесь вроде как не шериф. И потом, почему вдруг решающее слово за тобой? Я мать Хейзел.

– Да, ты права. Неудачно сформулировал. Давай позвоним Николь, – согласился Гас. – Только можно мы, пожалуйста, не будем скандалить? И без твоих воплей тошно.

– Прежде чем что-то делать, надо спросить мнения Хейзел, – сказала Клэр. – Мы *обязаны* спросить. И я не скандалю. Я сказала «засунь в жопу», но я же с Лонг-Айленда, так что на стрессе всегда ругаюсь. Ты меня двадцать пять лет знаешь – это что, новость?

– Я ее позову, – крикнул Вульф из столовой, то есть, из соседней комнаты.

– Вульф! – хором рявкнули Клэр и Гас, не сообразившие, что сын их все еще слышит.

– Что? Я просто здесь сижу! А вы громко разговариваете.

– Эта беседа не для детских ушей, – одернул его Гас. – И вообще ты должен быть у себя наверху.

– Но ты же мне еду готовишь! И я просто хотел помочь, – ответил Вульф. – Я погуглил и узнал, что в штате Мэн возраст согласия – шестнадцать лет.

– Вот жопа! – выдохнула Клэр. – Извини, – добавила она, обращаясь к Вульфу.

– Забирай свою кесадилью. Ты можешь поесть у себя в комнате и заодно позвать сюда Хейзел? – спросил Гас. – И Клэр, пожалуйста, хватит выкрикивать «жопа» да «жопа».

– А можно я консоль возьму? – Вульфу не разрешалось носить гаджеты в свою комнату.

– Да! – хором ответили родители.

В дверях появилась Хейзел, бледная, как смерть. Позволила отцу обнять ее.

– Расскажи-ка, что случилось, – попросил Гас, отпуская дочь.

– А мама не рассказала?

– Я хочу услышать от тебя. – Он опять привалился к разделочному столу и скрестил руки на груди.

– В последний раз. – Хейзел уселась за стол. – Я задолбалась все это повторять.

Клэр и Гас переглянулись. Если они подадут официальную жалобу, их дочери придется рассказывать эту историю снова и снова.

– Ты очень смелая, – сказала Клэр, касаясь руки дочери.

– Ничего подобного. – Хейзел оттолкнула пальцы мамы. – И вообще дело ерундовое. Ничего не случилось. Я никак не могу это до вас донести.

– Твой директор шантажировал тебя и делал непристойные предложения, – ответила Клэр. – Так что дело категорически не ерундовое.

– Сексуально домогался, – добавил Гас.

– И практически попытался тебя изнасиловать, – заметила Клэр.

– Ну и что? – отозвалась Хейзел.

– Хейзел, милая, папа хочет позвонить в колледж, поговорить с президентом Хилл.

– Конфиденциально, – пояснил Гас, натирая сыр в кесадилью – теперь уже для Хейзел. – Спросить совета.

Президент Хилл, в прошлом профессор женских исследований, в феминистских кругах была влиятельной активисткой.

– Я тут подумал, что, наверное, свяжусь с ней по электронной почте, – добавил Гас. – Лучше объяснить все в письменной форме.

Они поставили ноутбук на кухонный стол и склонились над ним втроем. Пикл улегся под столом у их ног. Гас печатал текст.

Дорогая Николь,

у нас есть неприятные новости, и мы хотим обратиться к вам за помощью.

Сегодня, как вы знаете, начался учебный год в старшей школе. Нашу дочь Хейзел, ученицу выпускного класса, вызвал к себе директор. В ходе встречи Ричард Уайт сделал ей непристойное предложение, сообщив, что «каждый год я выбираю одну ученицу, чтобы заниматься с ней сексом, в этом году я выбрал тебя». Он угрожал, что в случае отказа у нее начнутся проблемы в школе, а получение аттестата может затянуться на неопределенный срок.

Прежде чем обращаться в полицию, мы хотели бы посоветоваться с вами, как лучше поступить в данной ситуации.

Заранее благодарим за участие и просим нас извинить за то, что подливаем масла в огонь в начале семестра, когда у вас и без того забот хватает.

С уважением,

Гас Блум (и Клэр Гринберг Блум)

– Да ни за что! – возмутилась Хейзел и захлопнула ноутбук. – Полиция? Пап! Нет уж, такое письмо отправлять нельзя.

– Я могу убрать упоминание полиции, – сказал Гас, снова открывая крышку. – Это же пока черновик.

– Дело не в письме. Я просто в целом не уверена, что хочу раздувать проблему. Я, может, вообще не хочу ни о чем рассказывать. Никогда.

– О господи. Не говори так. Это не *раздувание* проблемы. Это *констатация* проблемы, – сказала Клэр. – И ты от нее никуда не денешься, что бы мы ни решили.

– А зачем вообще о чем-то рассказывать? Я и так новенькая в школе. Не хватало мне еще быть ТОЙ САМОЙ новенькой. Это несправедливо.

– Ты права. – Клэр подтянула к себе дочь и усадила ее на колени, что выглядело довольно странно, поскольку Хейзел была сантиметров на пять выше матери. – Совершенно несправедливо. И что же ты намерена делать?

– Завтра я пойду в школу.

– Куда? – Удивился Гас. – Конечно нет. Ни в коем случае.

– Но если я в школу не буду ходить, то и аттестат не получу, – ответила Хейзел. Что ж, логично.

– Семейное образование! – крикнул Вульф через две комнаты. Он опять спустился вниз, в гостиную, и теперь крался, оттопыривая ухо, в сторону кухни.

Хейзел отстранилась от мамы. Вульф вошел и уселся на свое привычное место за столом.

– Ты же должен был играть в видеоигры, – заметила Клэр.

– Я тоже член этой семьи.

– Так и есть, – согласилась Клэр. – Но ты не принимаешь участия в этом обсуждении. И решение это не принимаешь.

– Да пофиг. Пусть сидит, – разрешила Хейзел.

– Я думаю, ты могла бы поучиться дома. Пока мы со всем не разберемся. Или вообще перевестись в другой район? – предложил Гас. – Это же вроде разрешено.

– В часе езды отсюда есть отличная школа-интернат. Тебе не обязательно там поселяться, они принимают учеников просто на дневное обучение, и в Колледже есть скидки на учебу, и прямой автобус до города, и...

– Он же тебе не навредил? – спросил Вульф, поднимая взгляд от телефона и тревожно нахмуривая маленький лобик. – Правда?

– Я не собираюсь весь выпускной класс просидеть здесь взаперти на семейном. И на затворническую жизнь не согласна. И школу менять не буду. То же самое может случиться где угодно, – сказала Хейзел. – Школа-интернат стоит тридцать тысяч в год даже без проживания...

– Двадцать – для детей преподавателей, – встрял Гас.

– ...И нам это не по карману, – закончила Хейзел. – Эти деньги нужны на колледж. На Вассар. А при директоре, который меня ненавидит, я даже поступить не смогу.

– Сможешь, – сказал Гас.

– К тому же, это бессмысленно. Я читала мемуары одной девочки, которую как раз изнасиловали в интернате. И потом, почему именно я должна уходить? Разве не его должны после такого уволить или выгнать к чертовой матери?

– Конечно, – согласилась Клэр. – Ты совершенно права.

– Однозначно, – добавил Гас.

– А вы знали, что в Японии возраст согласия – тринадцать лет? – вставил Вульф. – А во Франции вообще нет такого понятия. И для учениц нормально встречаться с директором.

– Гадость какая, – откликнулась Клэр.

– Отправьте письмо! Отправьте письмо! – потребовал Вульф.

– Хватит, – рявкнула Хейзел, пнув брата ногой под столом.

– Никому из вас не приходило в голову, что без законов и общественного резонанса общество массово скатится в хаос? Вы вообще слышали об *анархии*? – спросил Вульф.

– Так, иди в свою комнату. Я серьезно, – не выдержал Гас.

– Так что насчет школы завтра? – спросила Клэр.

– Никуда она не пойдет, – ответил Гас.

– Я тоже, – добавил Вульф.

– Надо идти, – сказала Хейзел тоном человека, которому надоели пустые разговоры, и он уже все решил. – И я пойду. Мои оценки за первую четверть будут последними, которые рассмотрит Вассар, если я подам раннюю заявку на поступление. Я не имею права отстать. Я записываюсь на четыре углубленных курса.

– Нет, извини, но это безумие какое-то, – ответила Клэр. – Может, действительно позвонить в полицию?

– Давайте для начала отправим письмо, – предложил Гас.

– Мы звоним в полицию.

– Что-то горит, – заметил Вульф.

– *Мам*. А можно оставить за мной право решить, что я хочу делать? – спросила Хейзел, уже стоя в дверях между кухней и столовой. – Со своей жизнью, а? Можно, пожалуйста?

– Что мы хотим делать, – поправила ее Клэр. – Это семейное решение.

– Нет. Мне уже восемнадцать. И это мое тело. Так что мне решать.

– Хейзел права, – вмешался Вульф. – Это *ее* тело.

И тут сработала пожарная сигнализация.

– Блин! Кесадилья! – Спыхватился Гас, который так боялся возможных пожаров, что даже взял с Клэр клятвенное обещание не пользоваться каминами в доме.

Вульф же, не переносящий даже самых тихих неприятных звуков, начал орать. Пикл залаял. Гас швырнул обугленную кесадилью в раковину. Клэр распахнула окно.

– Вульф? Сейчас же иди к себе наверх. Хейзел... – Клэр обернулась и увидела, что дочь на задней террасе успокаивает пса. – Я люблю тебя. Я знаю, что тебе восемнадцать. Но это не означает, что ты можешь – или должна – сама все улаживать.

Какая-то часть Клэр хотела, чтобы Хейзел ни о чем не рассказывала, чтобы жизнь ее дочери не сбивалась с курса. Ее задачей было защищать своих детей, а не исправлять неисправимый мир. Клэр прекрасно знала, как он устроен. Мужчины изо дня в день творили более страшные вещи, и это сходило им с рук.

Гас молчал. На этом его компетенции заканчивались. Тут наступала очередь Клэр решать. И Хейзел.

Его жена вернулась в кухню.

– Пусть Хейзел ночь подумает. Утро вечера мудренее, – сказала она, решая не принимать никаких решений.

– Окей, – ответил Гас. – Приготовить пищу?

8. Не молчи

Что Вульффу сказали, то он и сделал. Вроде как. Пока отец занимался ужином, мальчик ушел к себе. Поскольку наличие гаджетов в его комнате внезапно перестало всех волновать, он залез под одеяло и загрузил приложение «Не молчи» – то самое анонимное средство для сообщения о проблемах, о котором рассказывали на собрании. Он создал учетную запись и пароль, ввел данные старшей школы Ривербурга и пролистал список вариантов: Проявления гнева, Жестокое обращение с животными, Буллинг и кибербуллинг, Сомнительное поведение взрослых, Порезы и селфхарм, Депрессия и тревога, Домашнее насилие и жестокое обращение с детьми, Употребление или распространение наркотиков, Расстройства пищевого поведения, Групповое насилие...

Стоп. Вот же оно. *Сомнительное поведение взрослых*. Нашел. Открылся новый раздел.

В экстренной ситуации звоните 911. Принято к сведению.

Что случилось? Чем больше информации, тем лучше.

Чье поведение вас беспокоит?

Далее показался выпадающий список, нужно было выбрать из двух пунктов: *Жертвы и Обидчика*.

Ну, это легко. Обидчика. Директора. Незачем называть имя Хейзел.

Далее. *Вложения могут быть полезны. Загрузите файл.*

Хм-м. Нет, обойдемся без этого.

Дальше появилась зеленая плашка «отправить» и предупреждающий текст:

Внимание: если вы предоставляете свое имя и/или контактную информацию, вы таким образом даете согласие на использование этих данных для разрешения проблемы или ситуации, о которой сообщаете. Если вы умышленно предоставляете ложные данные или используете приложение для угроз или шантажа в отношении других людей, вы подвергаете себя риску судебного преследования.

Это звучало довольно устрашающе: Вульф в случае чего мог бы и сам сесть в тюрьму. Он был не то чтобы мастером контролировать свои внезапные порывы. Учитывая, что он все еще сидел на низкокалорийной диете, лекарства давно перестали действовать, а его тревожность выходила на новый виток, момент был не самый лучший для принятия потенциально судьбоносных решений. Но Вульф был уверен, что отличает добро от зла, он любил свою сестру, директор оказался насильником (как минимум – козлом), а его родители вели себя глупо.

Правила существуют для того, чтобы их соблюдать. Директор не должен оставаться безнаказанным. Чем только думают родители и Хейзел? Они обязаны обо всем сообщить. А если не сообщат? Что ж, тогда у Вульфа не останется выбора, кроме как взять все в свои руки.

Он вернулся к разделу «расскажите о случившемся поподробнее». Как же сформулировать? *Сегодня выяснилось, что директор школы предлагает некоторым учащимся заняться с ним сексом.* Как-то так. И по такому сообщению никто никогда не поймет, что речь идет о Хейзел. Он не назовет ни класс, ни пол учащегося. Это может быть кто угодно из школы. Таким образом Хейзел останется в безопасности и сохранит анонимность, а директор получит по заслугам.

Удовлетворенный результатом, Вульф закрыл приложение и отправился вниз ждать ужина.

Чуть позже тем же вечером Гас сидел за обеденным столом перед своим ноутбуком, ждал, когда закипит вода, чтобы заварить ромашкового чая для Вульфа, и пытался подготовить лек-

цию по американской деконструкции. Он сто лет таких не читал. Какие бы ЧП ни происходили дома, но он кровь из носу должен был завтра провести свой урок. Начинался учебный год. Он был заведующим кафедрой. Хотя с учетом того, что Хейзел буквально утром столкнулась с насилием, казалось абсурдным просто сидеть вот так и делать вид, что идет совершенно обычный вечер совершенно рядового вторника. Сосредоточиться не получалось. На кону стояло благополучие Хейзел. Ее безопасность! Ее будущее! А черновик письма ждал в отдельной папке – бери и отправляй. Да гори оно все синим пламенем! Не хватало еще бояться, что его отчитают за попытку спасти собственную дочь. Он набрал электронный адрес Николь Хилл, удалил из строки «копия» адрес Хейзел, потом остановил курсор над кнопкой «отправить» – и нажал ее, будто запустил ядерную бомбу.

9. Клэр не может уснуть

Еще в Бруклине у Клэр были проблемы со сном. Она или часами не могла заснуть, или мгновенно вырубалась, а потом просыпалась среди ночи и ее терзала тревога, списки дел и мысленное многоборье по разруливанию финансовых проблем и семейной логистики. Иногда ей помогало приложение для медитаций, и мозг успокаивался. В иные ночи – нет. Гас говорил, что она сама по себе тревожный человек. Клэр же во всем винила Нью-Йорк. Звучащие среди ночи сирены, когда в расположенном неподалеку доме престарелых умирал постоялец. Мыши, тусующиеся по ночам в кухне. Энергия города, дышащего за их окнами обещаниями чего-то лучшего и нового, чего-то, чем Клэр могла бы или должна была бы заниматься. В первое же лето в Ривербурге, зная, что снаружи, в ночной тьме, ее ничего не поджидает, Клэр спала безмятежно.

До нынешней ночи. С опозданием подав Хейзел ужин, Клэр вышла на крыльцо и наконец выкурила свои более-менее привычные три и одну дополнительную затяжки – в качестве компенсации за ужасный день. Потом они с Гасом смотрели телевизор, потом она читала, а потом уснула. Проснулась она спустя полтора часа: майка перекрутилась, грудь горела, как раскаленный гриль, пижама насквозь промокла от пота, словно у нее начался грипп. Бессонница вернулась приступом адского жара. Это что, предвестники менопаузы?

Клэр выудила из шкафа сухую пижаму и потопала вниз в кухню, где принялась записывать арахисовое масло ложками, жадно запивая грейпфрутовым соком. Вернувшись в постель, она обратилась к тому, что заменяло ей счет овец: планированию. Она мысленно собирала наряды. Она продумывала грядущие экскурсии на выходные. Она прикидывала, какие наряды к каким экскурсиям подойдут. Но метод не работал – потому что какая разница, что она надеет и куда они пойдут, если рухнет жизнь ее дочери?

Она оставила попытки заснуть и в темноте пошла искать телефон. Оказалось, что Гас выдернул зарядку из ее телефона и воткнул в свой. Его батарея была заряжена на сто процентов, ее – на шестьдесят семь. Это была одна из тех вроде бы неважных мелочей, которые бесили ее до белых глаз.

– Козел, – едва слышно выдохнула Клэр.

Несправедливое обвинение. На «козла» Гас точно не тянул. Временами он даже в быту включал профессора, но вообще был хорошим человеком – и хорошим мужем. Но мелочи выводили ее из себя, и она ничего не могла с собой поделать. Он вечно использовал последний кусок туалетной бумаги и не вешал новый рулон, бросал посреди кухни грязную обувь, а на полу спальни – джинсы, оставлял в раковине волосы из бороды, забывал выбросить капсулы из кофеварки. Она вынула шнур из телефона Гаса и вставила в свой. Часы на экране показывали без трех минут пять утра.

Постепенно Гас слился для нее с обстановкой, как кухонный стол: крепкий, трудолюбивый и воспринимаемый как нечто само собой разумеющееся. Однако Гас был неутомим. Когда у Вульфа случалась бессонница, он мог всю ночь бодрствовать, потом на рассвете гулять с собакой, а потом читать лекции в переполненной аудитории. У него был поистине бычий иммунитет. Он ухитрялся пару часов поболеть, потом вздремнуть и проснуться свежим как огурчик. Более того, Гас, мыслитель по натуре, смотрел на мир идеологически чистым взглядом.

Рамона называла его «принцем среди мужчин». Но *это* уже было чересчур.

Клэр взвесила на ладони телефон мужа. Вообще она не имела привычки шпионить за ним. Если ему приспичит ей изменить – вперед, никто не держит. Зачем ей мужчина, который ее не хочет? Правда, повода для беспокойства Гас ей не давал: он был не из тех, кто рассылает дикпики, да и в соцсетях тоже не сидел. И вообще у него имелся пунктик насчет слежки, так что можно было не бояться обнаружить в его телефоне нечто компрометирующее. Иногда,

правда, бывало просто необходимо тихонько проверить его электронную почту, поскольку он забывал сообщить, что ему надо уехать в другой город на конференцию или буквально завтра с утра явиться на заседание факультета или деловой обед. Ну и вообще – никогда не знаешь, на что наткнешься. А знания – сила.

Она ввела пин-код Гаса – дату рождения Вульфа.

Ну и вот оно: отправленный имейл в 21:29. Тема: экстренная ситуация в семье. Какого хрена? Получается, Гас отправил письмо Николь Хилл у нее за спиной? И у Хейзел за спиной? Причем он даже не додумался спрятать телефон или удалить письмо, да потом еще и *телевизор* с ней смотрел, как ни в чем не бывало! В жилах Клэр забурилась ярость. Правда, признаться, и некоторое облегчение. В глубине души ей хотелось, чтобы он сам что-нибудь предпринял. И отчасти она догадывалась, что он так и поступит – вне зависимости от того, о чем она попросит. Очень уж это было типично для Гаса. Она открыла папку с входящими и ровно в этот миг пришло ответное письмо от президента Хилл. Клэр тут же начала его читать.

Я немедленно жду вас у себя в кабинете утром. Сможете подойти к восьми? Приходите вместе с женой и дочерью. У нас достаточно ресурсов для эмоциональной поддержки сотрудников. Мы можем направить вас к соответствующим полномочным органам. Мне очень жаль, что начало сотрудничества с Колледжем складывается таким образом.

Сопереживаю Хейзел всем сердцем.

Клэр ошибалась. Гас все-таки был *козлом*. Он солгал ей и предал Хейзел. Но может быть, он поступил правильно? Случившееся им не по зубам. Есть надежда, что Николь Хилл поможет.

10. Хейзел просыпается

Хейзел спала беспокойно. Точнее, ей казалось, что она не спала вообще, но когда папа зашел в комнату и распахнул занавески, из окна хлынул свет.

– Хейзел, пора вставать.

– Иду, – ответила она и еще целых тридцать секунд была прежней Хейзел, пока не вспомнила события предыдущего дня и не превратилась в Хейзел-в-жопе. Она натянула тонкое одеяло на голову и решила провалиться обратно в сон, вернувший бы ее в прошлую реальность.

– Хейзел? – На этот раз ее звала мама. – Спускайся завтракать, хорошо?

Хейзел застонала в подушку. Вот бы остаться в постели на веки вечные.

– Ты же собиралась идти в школу. И нам нужно поговорить.

Ладно. Она набросила рубашку с короткими рукавами и спустилась за мамой по лестнице. Вульф ел маффин и смотрел видео на телефоне. Ноутбук отца стоял открытым на кухонном столе.

– Что тебе приготовить? – спросила Клэр.

Обычно Хейзел не завтракала. А если и завтракала, то справлялась сама. Мама редко интересовалась, что дочь хотела бы съесть. Родители всегда были заняты прислуживанием Вульфу. Но это утро отличалось от остальных. Клэр подала Хейзел тарелку еще теплой овсянки с нарезанными бананами и медом.

– Панкейк хочешь? – спросил папа, взмахнув лопаткой, как дирижерской палочкой. Выглядел он слишком уж жизнерадостно для сложившейся ситуации.

– Ты думаешь, я столько съем? – сказала Хейзел. – И потом, я вижу, что вы затеяли.

– А что мы затеяли? – спросила мама.

– Значит так: отговаривать меня бессмысленно, – заявила Хейзел, пережевывая еду. В случае с родителями всегда срабатывала тактика действовать на опережение. – Я иду в школу. А если вам так хотелось оставить меня дома, могли бы просто не будить.

– Хейзел, послушай, – начал папа, поворачиваясь спиной к панкейкам. – Я кое-что сделал, и тебе это не понравится. Но я надеюсь, что однажды, когда у тебя появятся свои дети, ты поймешь, что у меня не было выбора.

– У тебя был выбор, – перебила Клэр, выжимая апельсин. – Но тебе, видимо, показалось, что его нет.

– Клэр...

– Прошлым вечером мы договорились – решили *как семья*, – чтождемся мнения Хейзел. То есть, ты знал, что мы думаем по этому поводу. И что мы сказали «нет».

– Ты о чем? На что мы сказали «нет»? Что вообще случилось? – спросила Хейзел.

– Вы про письмо? – догадался Вульф. Его любимой настолкой была «Клуэдо». *Профессор, телефон, гостиная*¹⁷.

– О господи, – выдохнула Хейзел, отодвигая протянутый мамой стакан сока. – Только не это.

– Она – важная персона в этом городе, – сказала папа. – Де-факто – царица. И она поможет нам со всем разобраться.

Хейзел была не из тех девчонок, которые могли внезапно рухнуть на обеденный стол и разрыдаться. Она гордилась своей сдержанностью и даже некоторым стоицизмом. Однако, отправленное отцом письмо, это предательское действие по отношению к ее *внятно* озвучен-

¹⁷ «Клуэдо» (Cluedo или Clue в США) – настольная игра для трех-шести человек, в ходе которой имитируется расследование убийства. Игровое поле представляет собой план загородного особняка, в котором произошло преступление. Необходимо выяснить кто, где и чем убил хозяина. Под подозрением находится каждый гость особняка – игрок.

ным желаниям, она не могла вынести спокойно. Как и мысль о том, что теперь всем придется принимать чью-то сторону. А значит, будут люди, которые выступят за него, за директора.

– Поверить не могу, что ты так со мной поступил. – Она отпихнула тарелку с оставшейся овсянкой.

– Не с тобой, детка, а *ради* тебя. Чтобы ты не боялась ходить в школу, – сказал Гас.

– Я и не говорила, что боюсь.

– И еще кое-что, – сказала мама.

Хейзел почувствовала, как у нее снова все сводит. Ноги похолодели. Кончики пальцев онемели. Это ощущение было для нее в новинку, она словно выключилась и ничего не чувствовала, как бы даже перестала существовать. Что бы собой ни представляла нынешняя версия реальности, она никак не могла от нее избавиться.

– Мы встречаемся с президентом. В кампусе. В ее кабинете. В восемь часов, – объяснил Гас.

– В восемь? В восемь утра? Сколько еще раз я должна повторить, что мне нужно в *школу*?

– Я с вами, – встрял Вульф. – Хейзел моя сестра.

– Вульф, – сказала мама. – Ты через десять минут идешь на автобус и отправляешься на учебу, где тебе самое место. Так что марш чистить зубы, иначе отберу гаджеты до конца учебного года.

– Чего?! – взвыл Вульф.

– Прекратите, а? – попросила Хейзел. – Вы можете уgomониться?

– Сходите мне за щеткой.

– Вульфи, ты сам в состоянии сходить за щеткой, – сказала мама.

– Давайте все просто успокоимся! – сказал папа.

Каким-то образом в семь пятнадцать Вульф все-таки стоял на автобусной остановке с почищенными зубами и собранным рюкзаком. К семи сорока Хейзел и ее мама успели одеться и вместе с Гасом выехали в сторону кампуса.

– Она жаворонок, – сообщил Гас.

В отличие от облезлого здания старшей школы, кампус Колледжа был ухоженным и безупречно чистым, за чем тщательно следил целый штат уборщиков и завхозов. Кирпичные здания времен короля Георга окружали свежайшие зеленые лужайки, а над ними мягко высились холмы. Колокольня библиотеки – когда-то самое высокое здание в штате – тянулась к сентябрьскому небу.

– Хейзел, добро пожаловать, – сказала президент, протягивая руку для приветствия. В отличие от большинства жителей города, Николь Хилл была чернокожей. И в отличие от всех остальных горожан, она выглядела так, будто сошла с глянцевого обложки журнала *Women in Power*. (По словам Гаса, она шесть дней в неделю занималась с тренером и зарабатывала в пять раз больше любого профессора.) На президенте был идеально сидящий деловой костюм с шелковой блузкой и туфли на каблуках, как будто она работала в центре Манхэттена. Родители Хейзел по пути говорили, что однажды Николь обязательно окажется в Сенате.

– Гас, спасибо, что пришли. Клэр, очень приятно познакомиться. Хейзел, я Николь Хилл. Прежде чем мы начнем: есть ли у тебя вопросы ко мне?

Кабинет президента был просторным и больше напоминал офис крупной корпорации – Хейзел представляла его совсем не так. Много дерева. Длинный конференц-стол и большой письменный. На стенах – фотографии в рамках, причем и с политиками и, к удивлению Хейзел, с одним знаменитым актером и активистом. За последние двадцать четыре часа Хейзел уже второй раз оказывалась в кабинете руководителя. Почему с ней обращаются так, будто ей грозят серьезные неприятности, хотя она ничего плохого не сделала?

– Президент Хилл, я пока не решила, стоит ли мне сообщать о случившемся, – сказала Хейзел. У нее звенело в голове и заложило уши, как будто в самолете. – Думаю, я этого не хочу.

– Зови меня Николь. Скажу тебе как есть, Хейзел: нам в любом случае придется связаться с властями. Официально. Колледж обязан это делать. Извини.

– Подождите, – сказала Хейзел. – Вы хотите сказать, что сообщать или нет – решать не мне?

– Я обязана отчитываться о подобном, – объяснила Николь. – И твой отец тоже.

– Как именно это понимать? – спросила Клэр.

– Это значит, что преподаватели и сотрудники Колледжа, а также школы, по закону обязаны сообщать о подобных случаях... – она запнулась, – о такого рода злоупотреблениях – в полицию.

– Позвольте я кое-что проясню, – вмешался какой-то пожилой мужчина, входя в кабинет из коридора. Он представился юристом Колледжа. – Мы сейчас говорим о ситуации, связанной с кампусом. С насильственными действиями сексуального характера и тому подобным. У нас же более туманный случай.

– И сложный, – подхватила Хилл. – Ситуация для нас новая. Ты не студентка, но при этом являешься членом сообщества нашего Колледжа.

– А что если я не хочу? Я все еще пытаюсь понять, что мне делать. Все произошло только вчера. Я пока сама не *понимаю*, чего хочу.

Николь Хилл замолчала. В ее глазах появились слезы. Теперь Хейзел было гораздо сложнее ее ненавидеть.

– Хейзел, мне очень жаль, – сказала президент. – Не могу передать насколько. Ты не должна проходить через это. Ни одна молодая женщина, ни один студент не должен. Но я не могу сделать вид, что ничего не знаю, потому что я *уже* знаю. Мне кажется, ты тоже не можешь. Твои родители поступили правильно, обратившись ко мне. В любом случае, с юридической точки зрения, а также с этической стороны, поскольку в твоей школе учится еще множество молодых людей, нам необходимо связаться с полицией – я просто обязана это сделать. – Президент Хилл взглянула прямо на нее. – Хейзел? Ты меня слушаешь?

Хейзел кивнула, хотя на самом деле все было как в тумане.

– Я должна сказать тебе еще кое-что, и это будет тяжело и болезненно для тебя. – Хилл и адвокат переглянулись. – Мы утром сделали несколько срочных звонков. Ричард Уайт говорит, что именно ты предложила ему сексуальные отношения.

– Что? – Удивилась Хейзел.

– Он все отрицает.

– О чем вы говорите? – Возмутилась ее мать. – Как такое возможно?

– Откуда вы это взяли? – спросил отец. – Если я, конечно, могу поинтересоваться.

– Глава отдела образования уже знает, что произошло вчера... или, по крайней мере, знает, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Уайт сказал своему заместителю, Хейзел, что ты погладила его по бедру. Что ты – это его слова, а не мои – «приставала» к нему. – Она изобразила пальцами кавычки и сочувственно закатила глаза.

– Бред какой-то, – Гас встал и принялся мерить шагами кабинет Николь.

– Он врёт, – сказала Хейзел.

– Это классический пример культуры изнасилования, – заметила мать.

– Твоя мама права, – согласилась Хилл. – Хищник часто обращает обвинение против жертвы. Это такая игра на опережение, превентивная самозащита.

Хейзел ненавидела это слово – «жертва». Она не была жертвой. Ничего не произошло. С ней все *в порядке*.

– Мне очень жаль, Хейзел. Искренне, – президент обошла стол и опустилась рядом с ней на корточки. – Я это проходила. Не буквально, но вроде того. Мы сделаем все возможное, чтобы защитить тебя.

О боже. А вдруг люди поверят *ему*?

– Я не хочу, чтобы кто-то знал, что это была я. Разве им обязательно знать? Можно не называть меня по имени? Можно как-то все засекретить?

– Мы очень постараемся, – ответила президент Хилл. – Закон обязан защищать твою анонимность. Но история может выйти на свет. К сожалению...

– И это случится? – спросила Клэр.

– Твое имя, может, и не всплывет, но – рано или поздно, и, скорее всего, рано – люди в Ривербурге могут кое-что разнюхать.

Прекрасно, подумала Хейзел.

– Что мы можем сделать? – спросил отец.

– Гас, возьмите столько времени, сколько нужно вашей семье. Я предупрежу декана, чтобы у вас не было проблем. Хейзел, вот номер телефона психотерапевта из нашей службы психологической помощи. Она замечательная. Почему бы тебе не позвонить и не записаться на прием – тебе нужно все обсудить в безопасной конфиденциальной обстановке. – Президент ласково сжала руку Хейзел, давая понять, что встреча окончена. – Вот моя визитка. Там есть мой мобильный. Не стесняйся обращаться, если что. Я серьезно.

Клэр, Гас и Хейзел спустились по лестнице и остановились в фойе, устеленном коврами. Было восемь двадцать.

– Сам не рад, что говорю это, – сказал Гас, – но мне нужно подготовиться к уроку и прочесть лекцию. – Он проводил их к газону перед административным зданием, направляя к стоянке для преподавателей.

– Но Николь же сказала...

– Она не имела в виду, что я не должен *преподавать*.

– А что насчет Хейзел?

– Да, что насчет меня? – вставила Хейзел.

– Мне кажется, что возвращаться сегодня в школу – это безумие, – сказала мама. – Не так ли? Гас?

– Пожалуйста, выслушайте меня. Вы не можете запретить мне учиться. Это в буквальном смысле незаконно. Я иду туда не для того, чтобы тусоваться с ним. Я не собираюсь проводить с ним день. Он не мой новый парень. И, кстати, постарайся обходиться без слова «безумие». Это очень неуважительно по отношению к людям с психическими проблемами. Вроде всей нашей семьи.

– Хейзел, – обратился к дочери Гас, – можешь сделать мне одолжение и разговаривать чуть тише? Хотя бы пока не дойдем до машины? Я здесь, вообще-то, работаю.

– Не знаю. Может, ты и права, – сказала Клэр. – Может, все в порядке, надо пережить сегодняшний день, а там посмотрим. Не разговаривай с ним.

– И держи телефон при себе, – сказал отец. – Если он подойдет, снимай видео.

– Нам положено хранить телефоны в шкафчиках, – сообщила Хейзел, пристегиваясь на переднем сиденье.

– Ну, а я уверен, что директору школы положено не иметь сексуальных отношений со своими учениками, так что, если кого-нибудь возмутит твой телефон, пусть звонит мне. Хорошо? – Он закрыл ее дверь.

– Ты в порядке? – спросила мама, когда они сдали назад с парковки и поехали мимо ворот кампуса. – Ты точно хочешь туда возвращаться?

Она завоzilась с ручкой, открывающей окно. Пока мама везла ее в школу, к неизвестному, но, вероятно, катастрофическому будущему, Хейзел ничего так сильно не хотела, как повернуть обратно домой и забраться под одеяло. Но она решила не позволять себе такой слабости. Если она останется дома хотя бы на один день, то застрянет там сперва на неделю, потом, незаметно для себя – на месяц, а дальше – на целый семестр. И пропустит весь выпускной класс. И заодно профукает всю жизнь.

– Можно прекратить об этом говорить? – попросила она.

Когда Хейзел сказала директору «нет», она думала, что на этом ее унижение закончится. И только сейчас она поняла, что все, возможно, только начинается.

Часть вторая. Официальное давление

11. Гаса отменяют

Гас держался буквально на честном слове. Ужасное, возмутительное поведение директора заставляло его страшно переживать за Хейзел и выматывало в ноль; прошлой ночью он практически не сомкнул глаз. И теперь нужно было от этого всего отстраниться.

Пришло время «американской деконструкции». Через полчаса ему предстояло читать лекцию в битком набитой аудитории. Клэр может сколько угодно возмущаться, что он решил вернуться к занятиям, но она-то свою работу бросила. А кто-то должен зарабатывать деньги.

Именно на первой лекции первого семестра ему нужно выложиться на все сто. Лекция – это шоу. Первая – как торжественное открытие. От него будут либо в восторге, либо в ужасе. Его репутация либо вознесется, либо рухнет. Короче, Гас обязан был блеснуть.

Прихватив в буфете студенческого центра стаканчик еле теплого кофе, Гас прошагал через внутренний двор, зашел в аудиторию, поздоровался с техником, который показал, как включить проектор и микрофон, и занял свое место за кафедрой.

В аудитории стояли длинные ряды сидений и висело три огромных зеленых доски. В положенное время подопечные Гаса заполнили помещение, расселись по местам и открыли залепленные наклейками ноутбуки, приготовившись прослушать лекцию, оправдывающую безбожно высокие суммы, которые их родители выплачивали за обучение.

– Приветствую вас на курсе американистики «Деконструкция Америки». Я – профессор Гас Блум. В этом семестре мы с вами будем рассматривать американскую культуру через призму телевизионных ситкомов.

Гас уже несколько лет не преподавал этот курс. В Роки-Крик, например, и он, и его коллеги-американисты обычно сваливали его на адъюнктов или приглашенных лекторов, или на соискателей из докторантуры. Настоящие профессора предпочитали дискуссионные курсы более высокого уровня, а еще лучше – семинары в аспирантуре, которые позволяли и избегать интеллектуального застоя, и выступать кураторами дебатов, вместо того чтобы писать планы лекций и готовить слайды презентаций.

Первое вводное занятие – по привычной схеме Гаса – представляло собой акт соблазнения наукой. Он будто бы приглашал студентов перестать потреблять культуру исключительно как продукт и превратиться в культурных критиков. Нужно было распутывать практические задачи и раскрывать теоретические перспективы. Студентов ждало великое множество вопросов. Бескомпромиссная парадигма семьи. Восхваление обывательского традиционализма. Многокамерная съемка.

Поп-культура – в частности, телевидение – является отображением социума. Рассказчиком, пусть даже не вполне надежным. Кривым зеркалом. Темы, которые поднимались впервые и потом на миллионах телеэкранов по всей Америке, отображали тревоги нации, ее проблемы, ее коллективное бессознательное. Ее *геитальт*. Задача критика – интерпретировать сюжеты и персонажей, декорации, натуру и диалоги как общественные послы в более широком смысле, расшифровывать скрытые в них сообщения точно так же, как психоаналитик расшифровывает сны. Он научит студентов соединять эти точки, чтобы они могли войти в круг избранных, которые не только смотрят, но также видят и понимают телевидение, воспринимая мир, в котором живут – и, соответственно, «американскую» культуру – в ее подлинном обличье.

В качестве некоего обряда интеллектуального посвящения Гас показывал, как изображение американских семей в ситкоммах в разные десятилетия связывали со значительными культурными переменами, социальными подвижками – и страхами – своей эпохи. Со времен пре-

подавания в Роки-Крик у него имелся десятилетней давности послайдовый план лекции на эту тему с нарезкой фрагментов из различных шоу. В идеальном мире он подготовил бы новую лекцию. Но сейчас был не *идеальный* мир. День начался суматошно: завтрак, прогулка с Пиклом, а затем – встреча в кабинете президента. Он чудом отыскал помятую распечатку своего старого конспекта, неизвестным образом оказавшуюся в кармане джинсовой куртки (довольно вонючей, довольно нелепой и поэтому редко носимой), найденной Клэр на барахолке, причем куртка оказалась в забытом мешке для стирки вместе с несколькими рубашками, подлежащими химчистке. После встречи с Хилл у Гаса имелось в запасе немного времени, чтобы заменить логотип Роки-Крик на логотип Колледжа.

Он открыл первый слайд.

– Сериал «Предоставьте это Биверу» выходил с 1957 по 1963 годы. Вот вам классическое изображение стереотипной «американской семьи». Белые, всем довольные представители среднего класса, отец-добытчик в костюме и с портфелем уходит в офис, а мама в красивом фартуке легко и радостно занимается двумя детьми и хозяйством. Мы обсуждаем этот сериал – кто-то с ностальгией, кто-то с презрением – как материал, представляющий собой нечто большее, чем собственно сюжет. Что он символизировал? И – что, вероятно, даже важнее – какие цели и *эффект* у него были?

Гас прошагал к правой стене аудитории, где в стороне от экрана висели доски для мела.

– Есть мнения? – спросил он. Последовала ожидаемая тишина. Как всегда в первый день занятий. Задачей Гаса было разогреть толпу.

– Все, что придет в голову, – предложил он. – Неправильных ответов быть не может.

– Традиции? – наконец подал голос парнишка с первого ряда. – Типа, семейные ценности и все такое?

– Да, – согласился Гас. – Что еще?

– Домохозяйки? – сказал кто-то.

– Совершенно верно – причем совсем не такие, каких мы сегодня видим по телевизору.

– Патриархат!

– Отлично! – сказал Гас, записывая слово на доске.

– Гетеронормативную семью.

– В точку.

– Капитализм?

– Истинно так! – подтвердил Гас, снова записывая. Он был приятно удивлен. Первое занятие – и такие классные ответы. Умные студенты ему достались.

Он запустил нарезку из «Оставьте это Биверу» и долго распространялся о том, как идеализированное изображение семьи помогало снизить тревогу в обществе после Второй мировой и во время Холодной войны, косвенно повествуя о росте пригородных жилых массивов и «бегстве белых»¹⁸ из городских центров.

Все шло хорошо. Гас снова был на коне. Он нащупал твердую почву. Дальше шла очередь семидесятых.

– Перейдем к Арчи Банкеру. В 1971 на экраны выходит ситком «Все в семье». Мы оказываемся в чьей-то гостиной в Квинсе, Нью-Йорк. Белый мужчина с сигарой сидит в мягком кресле с откидной спинкой и плюется расистскими заявлениями. Так?

Пара более продвинутых студентов кивнули. Остальная молодежь, как Гас догадывался, прежде не слыхали об Арчи Банкере.

Показав ролик и объяснив сеттинг сериала, Гас добавил, что по общему представлению это шоу было посвящено смене поколений и связанной с ней напряженностью. Но его идея

¹⁸ «Бегство белых» – демографическая тенденция, при которой белые, принадлежащие к рабочему и среднему классу, уезжают из центральных районов и пригородов Северной Америки, Южной Африки и других регионов мира в белые пригороды.

была также инновационной: вопрос расизма поднимался именно с точки зрения белых граждан, через историю всех подобных Арчи Банкеров, которые чувствовали, что, условно говоря, безнадежно отстали от поезда. Гас рассказал, что позже, в течение семестра, они разберут, как в шестидесятых протест белых против движения за гражданские права предопределил расцвет современного ультраправого экстремизма.

Постепенно подбираясь к более родному телевидению конца двадцатого века, Гас, хлебнув из стаканчика остатки кофе, глянул в свои сумбурные конспекты. Теперь нужно было подвести студентов к временам его собственной молодости – к восьмидесятым.

На экране появились Клифф и Клара Хакстейбл.

Господь. Он что, оставил в лекции упоминание Косби¹⁹? Вот она, забывчивость. Если бы у него накануне было больше времени, чтобы как полагается просмотреть конспекты, он бы, наверное, убрал Косби. Он поколебался и решил было пропустить часть про Билла Косби – но немедленно отказался от этой идеи. В конце концов, если вымарывать из учебного процесса всех плохих парней, то ему в итоге и преподавать будет нечего, и рассказывать не о ком.

– «Шоу Косби», – начал Гас, стараясь придать своему тону хладнокровия, – шло с восемьюдесят четвертого по девяносто второй и во многом сформировало американское представление о крупных городах, показывая с новой точки зрения нью-йоркский Бруклин, а вместе с ним – и другие города Америки как дружелюбные к семейному укладу. Что еще важнее – американской аудитории впервые представили долго упускаемую из виду чернокожую интеллигентную семью. А также – после Мэри Тайлер Мур – равный брак. Клэр – юрист, а Клифф – более-менее вовлеченный отец и акушер-гинеколог, причем приемный кабинет оборудован у него прямо в подвальном помещении дома.

Хотя большинство студентов, казалось, даже не заметили (или не обратили внимания), как Гас свернул не туда, по аудитории прокатился явный гул неодобрения.

– Я знаю, что вы сейчас думаете, – импровизировал он, подавляя растущий приступ паники. – Косби, каким мы его знаем сегодня, – злодей, а не семьянин и уж тем более не герой. И воспринимать эти реалии довольно сложно, согласен, потому что Косби играл отчасти самого себя.

Факт был в том, что Косби стал культурным символом XX века, первым чернокожим актером, исполнявшим главную мужскую роль в американском телевизионном сериале, «Я – шпион». «Шоу Косби» было новаторским, форматобразующим телепроектом. Но все это не имело значения. В аудитории послышалось тихое перешептывание, которое становилось все громче, будто разгорался сухой хворост. Кто-то тихо застонал. Гас их терял.

Черт. Черт, черт, черт. В последний раз, когда Гас в рамках учебного процесса говорил о Косби, тот считался одним из многих, возможно, плохих людей, которые создавали хорошее искусство. Хотя давние обвинения и слухи циркулировали в закрытых кругах десятилетиями, за годы со времен последних лекций Гаса прошло несколько судебных процессов по обвинениям Косби в сексуальном насилии, ему вынесли приговор, на первой полосе журнала New York вышла статья о его многочисленных обвинительницах, был снят вдумчивый документальный фильм в попытке осмыслить его спорное наследие и преступления, и, конечно, стартовало широкомасштабное движение #MeToo. Билл Косби стал полным изгоем. Гас мог с тем же успехом показать первую сцену «Манхэттена» Вуди Аллена²⁰.

¹⁹ Уильям Генри Косби-младший – американский актер, режиссер, продюсер, сценарист, музыкант и политический активист. В 2018 году Косби был признан виновным в совершении сексуального насилия по обвинениям со стороны нескольких десятков женщин и приговорен к тюремному заключению. В дальнейшем суд пересмотрел приговор, и в июне 2021 года он был освобожден досрочно.

²⁰ В первой сцене фильма главный герой, мужчина средних лет в подпитии, заигрывает с семнадцатилетней девушкой и после рассуждает о том, что годится ей в отцы.

Какая-то девушка подняла руку, хотя Гас не задавал вопросов. Женщина, мысленно поправился он. Человек (да, так лучше). Может, стоило начать с того, чтобы уточнить у каждого из студентов, какие местоимения использовать в беседе с ними? Даже в рамках лекции? Дурачина Гас. Динозавр ископаемый. Он должен был вести себя грамотно. Ну вот почему он такой идиот, а? Короче, у студентки был хвостик и густая челка, и руку она не просто подняла, а махала ею, как вражеским флагом.

– Профессор Блум?

Гас остановился и вцепился в кафедру.

– Прошу вас. Представьтесь, пожалуйста.

– Сэм. Но это не важно. Косби – серийный насильник. Он изнасиловал несколько *сотен* женщин. И я не понимаю – как вы можете брать и предоставлять ему информационную платформу?

Гас знал, что студенты этого колледжа отличаются от учащихся Роки-Крик – эти были более осознанными и настороженными, и к тому же привилегированными. О студентах-гуманитариях он также слышал, что они более политически осведомлены и прогрессивны – и это его радовало. А тут на весь экран растянулся Косби, образцовый семьянин в роскошном свитере, и он взирал на группу с высоты своей преувеличенной проектором фигуры.

Как ученый-феминист и *отец*, Гас первым был готов осудить Билла Косби за все содеянное. Это же очевидно! Но как можно деконструировать культуру, если не заставляя себя видеть всю ее подноготную? Наверное, ему следовало бы сейчас сменить направление лекции и сосредоточить ее оставшуюся часть на устаревшей, если не сказать – избитой, дискуссии.

По аудитории прокатилось недовольное ворчание.

А ведь этого легко было бы избежать. Если бы накануне у него было время нормально подготовиться, он бы заменил «Шоу Косби» на более нейтральные «Семейные узы», в котором любящий Рейгана Алекс Китон противостоит своим либеральным родителям-хиппи. Но если начистоту – у него имелся кое-какой веский интеллектуальный и академический аргумент в пользу того, чтобы показать группе именно Косби.

Так что Гас внезапно и очень неуклюже уперся в важность именно «Шоу Косби» для его поколения. В его значение для чернокожих буржуа и чернокожих же «крутых». В его влияние на представления о городской жизни. В то, что его собственная супруга стала дизайнером-тире-художником именно благодаря нарядам Дениз Хакстейбл.

– Да кого это волнует? – выкрикнул с задних рядов кто-то из студентов, точно не Сэм – кажется, какой-то парень.

Гас Блум, защитник злодеев? Но он им не был. Он был полной *противоположностью* этому.

– Вы серьезно? – продолжила Сэм, определенно не собираясь отступать. (Он же вроде не произносил последнюю реплику вслух, нет?) – Это просто идиотское шоу. Ничего страшного, если его больше никто никогда не посмотрит. Лучше бы рассуждали о капитализме.

– Да! – Подхватив идею на лету, просиял Гас, надеясь хотя бы так вернуться к своим теоретическим выкладкам. – *Давайте* поговорим о капитализме. Пожалуйста. Есть желающие высказаться?

– Профессор Блум, вы что, не понимаете? В этой аудитории есть так называемые *выжившие*. Во всяком случае, такова статистическая вероятность. А в кампусе хватает хищников. В Ривербурге. – Сэм жестом показала на мир, лежащий за воротами Колледжа. – Вы вообще об этом подумали? Или вам плевать?

Несколько студентов достали телефоны и начали снимать перепалку на видео.

Впервые в жизни Гас вдруг онемел перед целой аудиторией. Это *ему-то* плевать? На *хищников*? На проблему зла? Да если бы эта Сэм только знала!

Потерпев поражение, Гас закончил лекцию досрочно. То есть вот в чем его гибель? В нарезке кадров из «Шоу Косби»? Он чувствовал себя гимнастом, соскочившим с бревна при выполнении несложного упражнения, или фигуристом, который упал не при попытке сделать четверной аксель, а на простом тулупе.

12. Вульф оценивает ситуацию

Вульф прошагал в небольшой зал на прослушивание к зимней постановке, зная, что события ближайшего часа и десяти минут полностью определяют всю его дальнейшую жизнь. Как минимум – ближайшие три года средней школы. Он просто обязан был попасть на сцену – как выяснилось, ученикам обещали участие лишь в весеннем спектакле – и заполучить как можно более крупную роль.

Разномастная толпа юных актерских дарований, демонстрирующая все возможные оттенки волос, кожи, личностей и кроссовок, рассаживалась на первых рядах. У Вульфа от нервов сводило живот, но он все равно в кои-то веки чувствовал, что находится там, где и должен быть. Потому что его окружали дети, которые – вероятно? – не занимались спортом. Ну или хотя бы не были им одержимы. Может, здесь, в этой сомнительной глухомани, он найдет своих? Этого так и не удалось сделать в старой школе, где его, по-дружески или нет, называли Профессором.

Вульф изо всех сил старался оставаться В МОМЕНТЕ. Не фокусировать внимание на страшных событиях вчерашнего дня и той вопиющей глупости, которую он отмочил. (Не считая согласия на переезд в Ривербург.) Но он никак не мог не думать – не фиксироваться – на своем доносе, отправленном через «Не молчи». Он ему *обязательно* аукнется, это только вопрос времени. Родители и Хейзел рано или поздно все узнают, а с его везением – наверняка в ближайшее время. А когда узнают, они ему... Правда, что именно – он не знал. Он еще ни разу не влетал по-крупному.

Это означало, что Вульф, несмотря на заинтересованность в ребятах из драмкружка и (если уж на чистоту) страх перед ними, не говоря уже о полной панике по поводу грядущих проблем, внутренне уже был на ДИКОМ СТРЕМЕ, когда в комнату вошла Грейси в шортах на лямках, с косичками и полной уверенностью в себе. К его большому удивлению, она непридуманно уселась через два стула от него, и их теперь разделял только ее оранжевый рюкзак. Мучительные спазмы в животе у Вульфа прекратились, зато началось трепыхание, словно в желудке поселились бабочки. Три дня подряд он сидел за обедом с Грейси и ее подругами. Девочки вроде бы не возражали против его присутствия, но он боялся сделать что-то не то и быть изгнанным за стол к задротам или, что еще хуже, остаться обедать в одиночестве. Сидеть с Грейси за одним столом уже было достаточно. И вот теперь еще это.

Вульф велел своему внутреннему тревожному секундомеру заткнуться. Ради прослушивания, ради своего будущего социального положения и эмоционального благополучия он должен перестать думать обо всем сразу. Нервничать нельзя. Он вдохнул и выдохнул – как учили в театральном лагере. (И у психотерапевта.) Придется обратить их – и тревогу, и страх – в свою пользу, без вариантов. Ставки были слишком высоки. Он направит свою нервозность наружу, ВЛОЖИТ ее в прослушивание. Он будет использовать Метод.

На сцену вышел мистер Вудс.

– Добро пожаловать в драмкружок и на прослушивания для зимней постановки «Паутина Шарлотты». Чуть позже мы по очереди зачитаем несколько сцен. А пока давайте познакомимся. Пожалуйста, поднимайтесь ко мне на сцену.

О боже. Вульф закатил глаза. Э. Б. Уайт. Неужели нельзя было выбрать менее «мэнского» автора? Без всех этих разговоров о деревне. Правда, мама говорила, что написание «Паутины Шарлотты», одной из любимых классических книг Вульфа, Э. Б. Уайта вдохновила именно жизнь в Бруклине, штат Мэн. Он любил оригинальный мультфильм, да и экранизация с Дакотой Фэннинг тоже была неплоха.

Мистер Вудс попросил их сесть в кружок и завел всякие театральные игры, где участники разбивались по парам и один был «зеркалом», а второй в него «смотрелся». Потом они какое-

то время изображали сельскохозяйственных животных, а затем начался настоящий «актерский» этап прослушивания. Мистер Вудс попросил Вульфа прочесть целых три разных сцены. Больше, чем остальных. Может, он просто уделал всех на прослушивании? Нет. Фигушки. Он, скорее всего, облажался. Однако на несколько минут Вульф просто отвлекся, отстранился от самого себя, перестал стесняться, перестал волноваться, забыл, что кто-то может посчитать его лузером. Он забыл о *себе*. И когда водитель позднего автобуса сигналом сообщил о своем скором отправлении, казалось, что на самом деле пролетело всего пару мгновений.

Жизнь – странная штука. Вульф был на тысячу процентов уверен, что ему не понравится новая школа. Но пока, если честно, она даже казалась прикольной? Занятия были легкими, и иногда учитель говорил что-то интересное. По крайней мере, в первую неделю. Вопреки тревогам его матери, по коридорам не бродили хулиганы. Никто не присылал ему непристойных сообщений и не пытался ни на что развести в интернете. И плевать, что учитель естествознания посвятил целый урок правилам безопасного использования микроволновки. Если он захочет что-то узнать – найдет в телефоне.

Мистер Вудс сказал, что список участников будет вывешен следующим утром. Вульф не представлял, как сможет заснуть этой ночью. Может, он даже не станет ложиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.